

ГАЛИНА РОМАНОВА

МОДА НА ЧУЖИХ МУЖЕЙ

Детективы Галины Романовой. Метод Женщины

Галина Романова

Мода на чужих мужей

«ЭКСМО»

2009

Романова Г. В.

Мода на чужих мужей / Г. В. Романова — «Эксмо»,
2009 — (Детективы Галины Романовой. Метод Женщины)

ISBN 978-5-699-34892-3

Ольга Лаврентьева страдает из-за того, что жених Стас бросил ее и женился на лучшей подруге Светлане. Ольга постоянно звонит счастливым супругам, ходит к ним в гости, а они жалеют ее, хотя устали от ее визитов. И вдруг на Светлану нападают с ножом, едва не убив. В покушении обвиняют Ольгу. Правда, Лаврентьеву очень быстро выпускают – улик против нее нет. Но Стас уверен: преступница – именно она, больше у его жены врагов нет. Стас начинает самостоятельное расследование. Гнев и отчаяние усиливаются тем, что любимая Светлана вдруг начинает вести себя с ним холодно и отчужденно... Сложно было представить, что авантюрная идея изложить на бумаге придуманную криминальную историю внезапно перерастет во что-то серьезное и станет смыслом жизни. Именно с этого начался творческий путь российской писательницы Галины Романовой. И сейчас она по праву считается подлинным знатоком чувств и отношений. В детективных мелодрамах Галины Романовой переплетаются пламенная любовь и жестокое преступление. Всё, как в жизни! Нежные чувства проверяются настоящими испытаниями, где награда — сама жизнь. Каждая история по-своему уникальна и не кажется вымыслом! И все они объединены общей темой: настоящая любовь всегда побеждает, а за преступлением непременно следует наказание. Суммарный тираж книг Галины Романовой превысил 3 миллиона экземпляров!

ISBN 978-5-699-34892-3

© Романова Г. В., 2009

© Эксмо, 2009

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	26
Глава 4	32
Глава 5	35
Глава 6	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Галина Романова

Мода на чужих мужей

Глава 1

Оленька, не суетись, дорогая! Ты же все равно опоздала. Какая теперь разница, дорогая сердцу подруга, на сколько именно, на десять минут, на полчаса или на час? Ты все равно проспала, потому что бессовестно тарасила вчера глазищи в телевизор, когда надобно было почивать. Потом ты встала, пошла на кухню и, не удержавшись, дернула пятьдесят граммов коньяка. Как тебе рассуждалось на тот момент? Это для того, чтобы уснуть побыстрее и не думать ни о чем нехорошем и ни о ком непорядочном. Но вышло-то все как раз наоборот, милая. Янтарный напиток благополучно растворил всякое желание как следует выспаться перед важной встречей. И ты, завалившись с телефонной трубкой на подушки, начала обзванивать – и это невзирая на двенадцатый час ночи – близких и далеких знакомых.

Не очень близкие знакомые в весьма вежливой форме отослали тебя куда подальше. А самые близкие – их всего двое – терпеливо слушали твой получасовой бред, потом пожелали тебе спокойной ночи с понимающим снисходительным смешком и повесили трубку. Тут уж и вовсе стало не до сна.

Кто бы другой, но не эти! Улыбаются?! Понимают?! Делают вид, что в ее полуночном звонке нет ничего странного!

Сволочи! Просто наглые счастливые сволочи! Как они могут так поступать с ней? Как он может?.. А как она?..

Эти двое, стоило ей слегка выпить, всегда устаивались ее внимания. Всегда! Исключений не существовало. Она звонила им либо заваливалась без приглашения в гости и медленно, тонкой соломинкой, пила кровь.

Они томились, вздыхали – переглядываться в ее присутствии не осмеливались, – вежливо улыбались наглым шуткам. Угощали обедом или ужином (все зависело от того, когда именно стопы ее свернули к их подъезду). Потом провожали до двери и, наверное, тут же бросались друг другу на шею и рыдали от облегчения, и жалели друг друга, и нянчили.

Так, казалось ей, они поступают, когда освобождаются.

Тоже еще нашлись пострадавшие!

В поганой ситуации, куда она вляпалась с их, между прочим, подачи, пострадавший только один, и это она – Лаврентьева Ольга Николаевна. Это она пострадала от лицемерного, подлого, вероломного – это не одно и то же, нет – предательства своего жениха и самой близкой подруги. Это они посмели гнусно полюбить друг друга за ее спиной. Потом тайно провстречаться полгода, опять же за ее спиной. А потом объявить ей о своем желании пожениться, потому как сил у них больше не оставалось и мочи терпеть тоже.

А что такое-то? Что?! Что терпеть-то? Ее присутствие в их жизни? Ее неосведомленность? Ее нежелание догадываться? Чего они не смогли терпеть дальше? Тайны, наверное, своей гадкой, которая жутко оскорбляла их светлое нежное чувство. Запятнанности. Чувствовали, стопроцентно чувствовали себя гадкими и подлыми. Вот оттого и хватило их всего лишь на полгода.

Объявили, стало быть, о своем желании, попросили извинения и ушли, обнявшись.

Нормально, нет?!

У нее уже, как в той песне, и платье шилось, пускай не белое, а кремовое, но шилось же! Она колечко себе присматривала в ювелирном за углом, чтобы невзначай намекнуть, какое именно она хочет. Туфли так вообще давно в коробке стояли, мамой из Германии присланные.

Одним словом, она давно была готова к свадьбе, к браку, даже к бытовой серости себя сумела морально подготовить, хотя поначалу это ее весьма нервировало.

Но она совсем оказалась неподготовленной к тому, что уготовили для нее эти двое!

– Оленька, понимаешь, мы с тобой совершенно разные люди, – закончил после краткой извинительной речи ее любимый Стас. – Наши отношения были и так не очень ровными...

– Почему это? – перебила она его, оскорбившись за три года жизни в его объятиях, в которых чувствовала себя весьма и весьма беззаботно. – Очень даже все нормально было, пока эта... не влезла!

– Оленька, ты пойми... – терпеливо, как душевнобольной, начала объяснять ей лучшая подруга. – Никто никуда не влезал. Просто где тонко, там и рвется. Ваши отношения...

– Не смей трогать наши отношения! – взвизгнула она тогда, за что себя потом неоднократно ругала: нельзя было опускаться до истеричных воплей, никак нельзя. – Они были вполне безоблачны, пока ты не пришла однажды ко мне в гости со сломанным утюгом! Господи!.. Лучше бы я тебе свой отдала, чем попросила Стаса починить! Этот чертов утюг! Ну почему он у тебя сломался именно в тот день, а?! Ты нарочно его скурочила, что ли!

– При чем тут утюг?! – выдохнули они в одно слово. – Все дело в тебе, в нас.

Вот про них она уж точно слушать ничего не хотела и выставила их вон. А они даже обрадовались, обнялись и поспешили удрать. И оставили ее один на один с ее горем.

Ох, как она бесновалась тогда! Сколько посуды переколотила, сколько вещей, которые еще ненадеванными были и должны были стать оцененными Стасом, покромсала ножницами. Даже, кажется, головой о стенку билась. Этого не помнила, просто не помнила. А вот соседка через пару дней попросила ее не колотить в стену ничем тяжелым, у нее, мол, мигрень. А она ничего такого...

Нет, значит, все же колотилась башкой, чтобы выбить из нее все крамольные мысли, все больше отдающие страшной беспощадной мезью.

Она не желала им смерти или гибели случайной, тьфу-тьфу-тьфу!

Ей – своей единственной лучшей подруге – она от всей души желала скорейшего увядания, тучности, брюзгливости, неряшливости.

Ему – скорой импотенции, неудач в бизнесе, лысого черепа, выпавших зубов, грибка на ногах и жирных складок на животе.

А еще она желала им пожизненной агонии рядом друг с другом, гадких безрадостных совместных дней, хаотично нагромождающихся в годы. Постоянного недовольства друг другом, нищеты, тусклых ночей в серой спальне с видом на центральный рынок, где вечно воняет сгнившими овощами. И...

И много чего еще, чему она должна стать свидетелем. А потом она будет торжествовать, упиваться свершившимся справедливым возмездием и хохотать демонически, впиваясь каблуками в обломки их несостоявшегося счастья.

Так она решила поступить поначалу и принялась ждать. Но терпения хватило дня на три, не больше. Снова полезли в голову невеселые мысли о том, как с ней безжалостно обошлись, снова нахлынули слезы. И снова она начала клясть предателей на чем свет стоит. И поняла тогда Ольга, что ее планы относительно торжества справедливости следует откорректировать. И причем изрядно!

Вот потому-то, отбесившись (это заняло примерно месяц), она решила, что крах их отношений должен быть у нее под постоянным контролем. Она не пропустит тот момент, когда Стас начнет чахнуть рядом с внезапно разжиревшей женой. Она должна быть во всеоружии и... вовремя перехватить его у соперницы, как знамя, нести которое та, другая, недостойна.

С какой стати, рассудила она, ждать так долго? С какой стати наблюдать за тем, как великолепный удачливый Стас превращается в ничтожество? На это могут уйти годы! И ведь...

Сама-то она тоже молодеть не будет. Да и терпением ее бог обделил, вот только на месяц и хватило, чтобы не видеться с ними и на звонки не отвечать...

– Ты в порядке? – участливо поинтересовалась вероломная подружка, когда Ольга все же сняла трубку домашнего телефона на тридцать второй день бойкота. – Я так переживаю! Так переживаю! После того как у вас со Стасом не сложилось...

Вот в этом месте Лаврентьева Ольга Николаевна едва не перегрызла телефонный провод, который зажала зубами. И еле сдержалась, чтобы не зарычать и не покрыть лучшую подругу Светланку трехэтажным матом, вычурным, хлестким и сочным, какой можно услышать лишь от сантехников старой закалки. Хорошее воспитание, которым ее зомбировали родители с детства, выручило. Хотя в душе и поднялась волна праведного негодования, силой давления едва не разорвав мозг в клочья.

Это у них со Стасом не сложилось? У них?! Да они три года любили друг друга, холили и лелеяли, не уставая. Вместе засыпали, вместе просыпались, вместе работали, ездили отдыхать и друзей навещали. Они не могли друг без друга даже дышать, так ей казалось. Они даже скандалить не могли всерьез. Все их склоки были какими-то ненастоящими, смешными, уже через полчаса сходили на нет. Ни разу за три года они не наказывали друг друга молчанием. Никогда не повышали голоса и не опускались до оскорблений. Да кроме поддержки и нежной заботы, и не было ничего! А может...

Может, тогда и любви не было, а?!

– После того как у вас со Стасом не сложилось, я просто сама не своя! – горестно шептала Света в трубку. – Я, наверное, виновата перед тобой...

Наверное! Как мило! Она еще сомневается!

– Но это судьба, Оль. От этого никуда не денешься. Тебе, конечно, тяжело, но поверь мне, ты его не любишь и не любила никогда.

– Да ну? – Она все же не выдержала.

– Да! Да, я это точно знаю! – зашепила Света, уловив в ее возгласе неприязненный холод. – Это привычка, Оль, это не любовь! Оттого Стасу и неуютно было рядом с тобой! Мужчины чувствительны. Они сразу чувствуют, когда женщина их любит, а когда просто привыкла, как к удобным домашним тапочкам. Вот когда ты влюбишься по-настоящему, тогда поймешь. И может быть, со временем скажешь мне спасибо.

– Говорю уже сейчас! – выпалила она и положила трубку.

Нет, ну в самом деле! Хороший тон – это, конечно, замечательно, но не до маразма же! Может, Светка свихнулась на почве своего необычайного счастья, а? Она что несла-то сейчас? И точно «того», раз решила, что ничего, кроме привычки, их со Стасом не связывало.

А куда же, Светочка, теперь девать совместно прожитые три года, каждый из которых триста шестьдесят пять дней насчитывал, а? А десять месяцев, предшествующие этому времени, когда Стас за ней только ухаживал, куда девать? А ненасытные ночи, которым нет числа, тоже списать, квалифицировав привычкой?

Она все же дура, Светка, вдруг решила Ольга, немного успокоившись. Во всех отношениях дура. Жаль, что Стас этого не рассмотрел вовремя, и теперь какое-то время ему придется мучиться. А ей ждать, когда он наконец прозреет и вернется.

Ждать она не любила никогда.

И даже теперь, уже опоздав на встречу, которая теперь не состоится и смысла, стало быть, в ней не было вовсе, Ольга нетерпеливо дрыгала озябшими ногами на остановке. Казалось бы, куда спешить, раз все равно? Нет же, подавай ей транспорт прямо сию минуту, прямо к этому вот заплеванному бордюру. А транспорт только что хвост показал, и таксиста ни одного не видно, а ее машина вчера осталась возле кафе, где ей какой-то умник колесо проколол. Запаска валялась в гараже еще с прошлых выходных, вот и пришлось машину бросить, а до дома на такси ехать. Благо в их городе с эвакуаторами еще не так шустро управлялись, да и хозяин кафе

– мужик знакомый, обещал присмотреть и колесо отремонтировать, для этого она и ключи от машины ему оставила.

– Девушка. Девушка! – позвал кто-то за ее спиной.

Она не стала поворачиваться, мало ли кого кличут. Но женский голос позади упорствовал, повторив еще три раза. Потом, не дождавшись внимания, неизвестная проворчала:

– Ну и стой, раз тебе хочется. Только полчаса ничего не будет. Пересменка у них...

Ну и что? Она такси подождет. Не могут же таксисты все вместе смену сдавать? Нет, конечно, глупости. Да и развелось их сейчас – яблоку упасть негде. Носятся по городу шальными тараканами, нарушая все установленные правила, чтобы угодить капризного пассажира, сунуть ему свою визитку и дожидаться потом повторного вызова, лучше, если мимо диспетчера. Именно так вчера все и происходило, только без нарушений правил.

Такси она станет ждать, вот. Жаль, что визитка вчерашнего шофера осталась на полке под зеркалом в прихожей, а то вызвала бы его, как и обещала.

И тут, словно угадав ее мысли, за спиной снова проворчали:

– И таксистов не будет. Всех сегодня допрашивают...

Ольга снова никак не прореагировала, теперь уже из упрямства, только отошла подальше от остановки, намереваясь и дальше мерзнуть в ожидании хоть какой-нибудь колымаги. А сама нарочно пристроилась возле фонарного столба так, чтобы можно было хорошо рассмотреть добродетельницу, усиленно гнавшую ее с остановки.

Это была продавщица из ларька «Союзпечати». Она пару раз сердито покосилась в ее сторону, потом демонстративно отвернулась и громко окликнула продавщицу из другого ларька, который торговал сигаретами, пивом и шоколадными батончиками.

– Тонь! Тонь, не слышишь, что ли? Выглянь-ка, дело есть, – предложила она товарке и вылезла из окошка по грудь, плотно обернутую посадским платком в крупную розу.

Антонина выбиралась долго: мешали плотные плечи и более мощная упаковка на груди (предмет своей немалой гордости та меховой жилеткой грела).

– Чего орешь-то? – меланхолично поинтересовалась Антонина, поехала, протискиваясь чуть дальше, зевнула и пробормотала: – Прохладно, да? С утра было тепло, а сейчас прямо совсем зима. Чего ты, Валь? Новости, что ли, какие?

– А то не знаешь! – фыркнула та беззлобно и снова покосилась в сторону Ольги Лаврентьевой, у которой, понятное дело, произошел приступ любопытства. – Помнишь, Толик-то все у тебя отирался?

– Какой Толик? Их тут знаешь сколько, Толиков этих! На тринадцатом маршруте Толик работает, постоянно сигареты покупает. На «Газели» пассажирской тоже Толик. Кто из них?

– Да не те! – Продавщица из ларька «Союзпечати» еще активнее полезла из окошка, теперь уже совершенно отвернувшись от Ольги, что той было на руку: могла подслушивать без зазрения совести. – Толик, ну, таксовал с лета тут. Во-он там стоял всегда. Помнишь, нет?

– Маленький такой, вертлявый? – догадалась Антонина.

– Ну!

– И что он?

– Так убили!

– Как убили?! Когда?! – ахнула Антонина, и две ее крупные ладони легли одна на другую на груди. – Он же тут только вчера крутился!

– Крутился, – подтвердила товарка, часто кивая. – У меня еще газету с объявлениями покупал. Говорит, квартиру хочу поменять, в другой район переехать.

– Купить, что ли?

– Да нет, снимал он тут однокомнатную через два дома от нас. Говорит, хочу куда-нибудь ближе к центру. Поменял теперь, называется!

– Да, да. – Антонина горестно поджала полные губы, покачала головой с сочувствием. – А молодой ведь какой. Слышь, а за что хоть убили-то? В драке или за деньги? Их, таксистов, часто обворовывают, а он, по слухам, хорошо сшибал.

– Не в драке и не за деньги, – авторитетно заявила подруга. – Все в машине так и осталось, – и бумажник, и документы. Убили-то прямо на улице. Прямо с дырочкой во лбу и свалился.

– С какой дырочкой?! – не поняла Тоня.

– Ясно с какой, от пули!

– От пули? Это кто же осмелился посреди толпы ему в лоб стрелять?! Арестовали хоть?

– Ага! Арестуют его! С чердака стрелял, говорят.

– Что, киллер, что ли? – не поверила Тоня и рукой в сторону ларька «Союзпечати» махнула. – Да ну тебя! Кому он нужен, Толик этот, чтобы на него такие деньги тратить?.. Ведь если с чердака стреляли, значит, заказали его. А это больших денег стоит. Кому он помешать мог со своей колымагой?

– Может, чего видал, может, кого не того подвозил, а может, и вообще не его убить хотели, а кого-то другого, там народу много толпилось. Там, на этой площади, тусовка молодежная. Может, промахнулся убийца этот или перепутал.

Скорее всего, перепутал, машинально сложилось в мозгу у Ольги. Если и правда стреляли с чердака и попали аккуратно в лоб, значит, работал профессионал. А они редко страдают косоглазием.

Она даже улыбнулась, представив себе раскосого киллера, хотя до этого вообще ни разу в жизни никакого не видала, тьфу-тьфу-тьфу.

Промахнуться не мог, а вот перепутать...

И перепутать не мог, решила она тут же. Сколько фильмов смотрела, сколько хроники перелистывала, везде наемники жертву долго прорабатывают, изучают привычки, маршруты и все такое. С чего это вдруг какого-то Толика взял убийца и перепутал? Так не бывает, подытожила она через пару минут. И тут же как-то неприятно, неосознанно забеспокоилась: а что это за Толик?

Вроде таксист, женщины говорили. Маленький, вертлявенький. Ее вчера от кафе, где она бросила машину, как раз такой юркий и невысокий и подвозил до дома. Тоже назвался Толиком, тоже расспрашивал ее о возможных знакомых со свободной квартирой, что ближе к центру. Сразу сунул ей в руку визитку, попросил позвонить, если она в его услугах будет нуждаться или если с жильем вдруг что-то наметится. Он, мол, в долгу не останется, приплатит или даже ужинать в ресторан сводит.

Она тогда чуть не захныкала от обиды на тех двоих счастливых.

Что они с ней сделали, а?! Как у них получилось унижить ее, как растоптать! Ей вот уже таксисты в ухагеры набиваются, в ресторан приглашают. И не самых лучших внешних качеств, между прочим, таксисты.

– Ты не обижайся на меня, сестра, за смелость, – вдруг угадал он все, о чем она думала. – Вижу, что не по рангу я тебе и не по росту. Просто...

– Просто что? – поинтересовалась она с холодком.

– Раньше у меня и не такие красотки бывали, поверь. Это сейчас я на мели, а тогда!..

– Я в деньгах не нуждаюсь. – поспешила она избавиться от ненужных предложений.

– Да я не о том, сестра, – перебил он, досадливо сморщившись. – Ты вот побрезговала, а бывало, у меня такие, как ты, на шее гроздьями висели. Даже еще красивее попадались. Уж извини!

– Да нет, ничего, – пожала она плечами, не чая, как бы доехать.

– Жизнь, она штука кособокая, – продолжал он рассуждать, ехал тихо и аккуратно, соблюдая все правила дорожного движения, специально, видимо, чтобы поболтать подольше. –

И не верь никогда, что если в одном месте убыло, то в другом прибудет непременно. Брехня, авторитетно заявляю!

– Авторитет какой нашелся, – возьми и брякни она.

А он вдруг так напрягся! Желваки на скулах заходили. Брови съехались в одну линию, а взгляд такой гадкий сделался, что змея любая позавидует. Она даже отпрянула, больно ткнувшись спиной о дверную ручку.

Он понял, что перегнул, и делано рассмеялся:

– А сама-то много авторитетов видала, сестра?

– Смотря что под этим понимать. – осторожно заметила Ольга, ругая на чем свет стоит хозяина кафе, который сунул ее именно в эту машину. – Если по понятиям, то одного.

– Это кого же? – окончательно развеселился он.

– Про Пузана слышали? Он жил, пока не схоронили, в соседнем со мной подъезде, весь этаж занимал. Крутой! – фыркнула она. – Вы знакомы были с этим человеком, Анатолий?

– Нет, – излишне поспешно обронил он и тут же будто ледяной ширмой отгородился, таким холодом от него повеяло. – Откуда мне?

Знает, решила тогда Ольга. Правильнее, знал, поскольку этого товарища давно схоронили.

Подумала и тут же забыла. А потом и про Толика тоже, потому что телевизор долго смотрела, потом пила коньяк, потом обзванивала всех кого ни попадя. И не вспомнила бы никогда, не продрогни она на остановке и не подслушай случайно разговор двух торговков. А вспомнив, тут же решила, что может воспользоваться врученной ей вчера визиткой и вызвать Толика, чтобы он доставил ее к месту теперь уже точно сорвавшейся встречи. Не его же убили-то, в самом деле. Таких совпадений не бывает.

Ольга решила вернуться домой и воспользоваться вчерашним предложением. Толику следовало позвонить немедленно. И даже не столько для того, чтобы добраться до места, наконец, а чтобы убедиться в его целостности и сохранности.

Любопытство у нее зудеть принялось, как, бывало, говаривал Стас, и унять его теперь не было никакой возможности. Он иногда подшучивал над ней из-за этого самого любопытства, заставлявшего ее совать нос не туда, куда следует. Иногда откровенно злился, а иногда и поругивал.

– Когда-нибудь ты точно вляпаешься в историю из-за своей любознательности! Вот чего тебе далась эта женщина, чего ты к ней пристала?!

– Так плачет же посреди улицы, – пыталась она оправдываться, когда Стас оттащил ее от пьяной бомжихи, размазывающей слезы по грязному лицу. – Может, что случилось!

– Бутылку водки у нее ее сотоварищи отобрали, вот в чем ее несчастье! – упорствовал любимый и тащил упирающуюся Ольгу к машине. – Хочешь купить ей? Восполнить потерю?

– Водку я, конечно, покупать не буду, но... Но нельзя же быть таким равнодушным к чужой беде, Стас, – возражала Ольга, сердито отворачиваясь от него к окну. – Надо уметь сострадать.

– Да не состраданием все это вызвано, дорогая, – принимался он посмеиваться. – А тривиальным любопытством. И ты сама это знаешь, хотя и пытаешься спорить...

Вот сейчас бы Ольга точно спорить с ним не стала бы. А чем еще себя занять, если вдруг стала свидетелем такой интригующей сплетни?

– Алло! – нетерпеливо завопила она в телефон, когда ей ответили с третьей попытки. – Алло, Анатолий! Ну что за бардак? Сначала себя навязываете, теперь не отвечаете!

– Чё надо-то, конкретно? – отозвался Анатолий каким-то не своим, будто придушенным голосом. – Спал я, красавица.

– А надо ехать, Толик.

Она с облегчением улыбнулась. Ну вот, жив, оказывается. Тетки только зря болтали. Может, кого другого имели в виду, а может, просто туфта какая-то.

– Куда? – тот громко зевнул.

– Куда?

Ольга растерялась. А действительно, куда ей надо-то? Встреча не состоялась, опоздания на полтора часа ей никто не простит. От него не убудет добросить ее до кафе, где она вчера оставила машину. Наверняка и колесо теперь в порядке.

– Да, куда? – Анатолий начал проявлять нетерпение и с новым зевком пояснил: – У меня вообще-то выходной сегодня, но раз уж приспичило... Так куда надо?

– К тому кафе, от которого вы меня вчера забрали.

– Думаешь, я помню, кого я откуда забирал? – обозлился вдруг таксист.

– Кафе «Эльбрус». – напомнила она. – Там «Хонда» моя осталась, красная такая. Не помните? Мы же так душевно с вами пообщались.

– «Эльбрус»? На пересечении Никонова переулка и...

– И Смоленской улицы, – подхватила она на подъеме, хотя уже начала понемногу остывать: не очень-то любезен оказался вчерашний водитель. – Так что?

– Ладно, подъеду.

И взял, балда такая, и трубку бросил. А она даже не успела адрес сказать, куда за ней подъехать. Хотя он мог запомнить и дом и подъезд, но уточнить-то мог, а ей теперь сиди и мучайся, запомнил он или нет. Решила еще раз ему перезвонить, но телефон вдруг оказался вне зоны действия сети. Отключил, что ли, или разрядился он у него? Ладно, подъедет – хорошо. Не подъедет – она не расстроится. Живой, и ладно.

Только-только за дверную ручку взялась, намереваясь подождать Анатолия возле подъезда, как мобильный в сумочке истошно завопил.

– Алло, слушаю, – неуверенно начала Ольга, не узнав звонившего (не Толик точно).

– Ольга Николаевна? – любезно поинтересовался приятный мужской голос.

– Да.

– Лаврентьева Ольга Николаевна? – снова уточнил мужчина.

– Она самая, а в чем дело?

– Это я у вас желал бы узнать, в чем дело! – вежливо возмутился тот. – Мы с вами условились о встрече, вы не пришли. Как это понимать?

– Ах, Георгий Сергеевич! Это ведь вы?! – Ольга шлепнула себя ладошкой по лбу.

– Это мы, – признался Тихонов. – Так я могу узнать почему вы проигнорировали мое предложение?

– Причина? – Оля нервно улыбнулась себе в зеркало и виновато пожала плечами. – Так это... Проспала я, Георгий Сергеевич. Давно в безработных, график сбился, вот и...

– Хм... – хмыкнул тот, кажется, заинтересованно, потом с протяжным вздохом произнес: – Ну что же, зато откровенно и без вранья. Могли бы придумать, что переводили старушку через проспект и вас сбила машина или что-то в этом роде.

– Чур вас, Георгий Сергеевич! – ахнула Оля и тут же прикусила язык: ну что она несет, в самом деле. – Извините.

– Это вы меня извините, Ольга Николаевна, а то накаркаю еще... – завиноватился Георгий Сергеевич. – Так вы где сейчас?

– Дома.

– Отлично. Адрес?

Ольга быстро продиктовала.

– Сейчас за вами придет машина, – начальственным тоном объявил он.

– А-аа зачем?

– Затем, чтобы нашу несостоявшуюся встречу перенести в офис, Ольга Николаевна, – со вздохом объяснил он. – Может, это и к лучшему. Сразу посмотрите на свое рабочее место, познакомьтесь с коллективом.

– А разве вы не передумали? – растерялась она. – Не передумали брать меня на работу из-за опоздания?

– Ну, если вы не пришли на встречу по той причине, которую указали, то не передумал. А если...

– Нет, нет, нет, – поспешила она его перебить. – Все так и есть. Я хочу у вас работать. Устала уже от безделья. А что за машина?

Георгий Сергеевич назвал марку и номер машины, даже сказал, как зовут водителя, и велел выходить к подъезду.

Ольга засуетилась, принялась расчесываться, подправлять подводку на веках, уронила карандаш, разлилась, потому что тот по закону подлости закатился под шкаф для одежды. Схватила сумку, ключи, уже поставила одну ногу за порог, как снова мобильный.

Вот теперь, наверное, Анатолий, вдруг вспомнила она. Если он, то заказ она отменит. Если...

Звонила Светланка! Надо же, кого сподобило о ней вспомнить. Ну, ну, чем порадует?

– Оленька, добрый день, – прощепетала бывшая лучшая подруга, нагло укрывая ее счастье. – Как твои дела?

– Нормально, – отозвалась Ольга, как ей казалось, ровным голосом. – А что с ними может быть не так, с делами-то, Свет?

– Да я так просто звоню, как подруге, что ты сразу? – Света обиженно шмыгнула носиком. – Будто и позвонить тебе уже нельзя и о делах справиться. Просто ты вчера показалась нам такой расстроенной. Что-то случилось, Оль?

Ха! Нет, ничего не случилось. Ничего, кроме того, что любимая подруга увела у нее жениха, потом вышла за него замуж. Живет теперь с ним очень даже счастливо. И все это ванильное их счастье постоянно мозолит ей глаза и больно бьет во все уязвимые места ее души. Только это, больше нечему?!

– Ничего не случилось, – едва ощутимо скрипнула она зубами.

– Хорошо, – вздохнула, не поверив, Света. – А у меня сегодня выходной. Может, кофе выпьем где-нибудь, Оль? Помнишь наше кафе?

«Их» кафе как раз и было тем самым «Эльбрусом», где осталась ночевать ее машина. И даже столик у них любимый был возле окна в самом уголке, где Ольга доверяла подруге свои секреты. Про намечающийся роман со Стасом Светка, между прочим, узнала одной из первых.

– Боюсь, что не получится, Свет. – Ольга нетерпеливо закатила глаза, попутно запирая свою дверь.

– Все еще злишься на меня, да? – подруга печально вздохнула. – Просить прощения я уже устала, Оль. Нельзя жить с постоянным чувством вины, так ведь? А я живу! Очень тяжело, поверь.

– Верю, – мстительно ухмыльнулась Оля, пробираясь к лифту и на ходу застегивая кожаное пальто. – Но я тут ни при чем, не так ли?

– Да, конечно... – Света чуть помолчала, а потом вдруг предложила ни с того ни с сего: – Может, я могу быть тебе чем-то полезна? Мы же раньше всегда друг друга выручали.

Уж как она выручила, век не забыть! И от лишних хлопот со свадьбой избавила. И от возможных душевных треволнений, связанных с неудавшимся союзом, тоже. А денежных средств сколько позволила сэкономить! Умница, а не подруга.

– Ты знаешь, Свет, а помочь ты мне можешь, – неожиданно вспомнила Ольга. – Понимаешь, вчера возле «Эльбруса» мне колесо какой-то умник проколол. Пришлось тачку там же бросить.

– Отогнать на шиномонтаж? – тут же обрадовалась Света.

– Да нет, уже должны были сделать. Просто забери машину и, если не сложно, перегони ее к «Фабуле». Оттуда я тебя заберу и до дома доставлю.

– А «Фабула» – это через дорогу от...

– Правильно, через дорогу от фирмы Стаса.

– А зачем тебе туда? – тут же забеспокоилась Света.

Оно и понятно, боится! Как же, вдруг Ольга встретится со Стасом не в ее присутствии! А ну как что-то снова между ними проскользнет, искра какая-нибудь, к примеру, которая тлеет где-то у их общего любимого на самом дне его подлой души?

– На службу меня в «Фабулу» берут, референтом к Георгию Сергеевичу Тихонову, – она не стала трепать нервы своей подруге, хотя могла бы, и причем с удовольствием. – Еду на собеседование.

– А на чем едешь? Может, меня дождешься, я быстренько «Хонду» твою подгоню и...

– Нет, он за мной машину прислал, – оборвала ее на полуслове Ольга, увидев автомобиль возле подъезда. – Подъезжай прямо туда.

– Хорошо, – сникла Света. Теперь точно за Стаса переживает, а вдруг все же они пересекутся? И тут же вдруг в ней проснулась прежняя подруга, и она зачастила, зачастила: – Оль, а ты представляешь, что это значит? Раз Георг Третий за тобой машину прислал, это же вообще, блин!

– Что вообще?

Ее уже утомило прилипчивое внимание Светланы, не знала, как отвязаться. И чего Стас в ней нашел, а? Может, ему как раз такого вот прилипания и не хватало? Чтобы якорем на ногах висело. Чтобы липкой лентой всю его свободную жизнь сковывало. Чтобы как в тягучем сладком киселе барахтаться, коли и нахлебаешься, все равно не противно, а только сладко.

И как надолго его хватит?..

– Он же самый завидный холостяк у нас в регионе! – хихикнула Света, чем-то громыхая и без конца чертыхаясь. – Не обращай внимания, это я уже собираюсь... Так вот за ним такие дамы ухлестывают, а он неприступен. А за тобой машину прислал?! Это наталкивает на размышления, Оль! Я так рада за тебя, честно!

А как бы она обрадовалась, узнав, что Ольга благополучно профукала назначенную на нейтральной территории встречу и ухитрилась при этом не потерять предложения о трудоустройстве. С пеной у рта принялась бы ее сватать, лишь бы отделаться от пристального внимания к своей семье.

Ну что же, каждый защищается как может...

– Ладно, Свет, я все поняла, – свернула разговор Ольга, подходя к машине и кивая водителю. – Жду тебя у «Фабулы». Как подъедешь, позвони. До встречи...

Глава 2

– Да, Танечка, да, именно! Почему я должен по сто раз тебе объяснять, не понимаю?!

Станислав Викторович Супрунюк удрученно смотрел на свою секретаршу, сосватанную ему три месяца назад Светланой. Хорошая девушка, добрая, отзывчивая, симпатичная даже. Правда, чем именно, он так и не сумел рассмотреть за три минувших месяца. Но раз Светлана сказала, что симпатичная, значит, так оно и есть. Да и недосуг ему ее рассматривать. Когда он сидел в своем рабочем кресле, то переставал быть просто мужчиной, он превращался в робота и пахал, пахал, пахал как проклятый. Не потому, что надо, а потому, что нравилось. И какой бы красоты девушки ни работали в его приемной, бухгалтерии, плановом или финансовом отделах, отвлечь его от процесса, в котором он находил для себя наслаждение, было невозможно.

Одной только Ольге это удавалось с легкостью. Только ей было под силу скомкать его рабочий день, заставить перенести встречу, настроиться на легкомысленную игривую волну, бросить все к чертовой матери и укатить за город, к примеру, смотреть, как идет лед по реке.

Она легко увлекала его своим настроением, и он так же, как и она, мог битый час зачарованно смотреть на громадные глыбы льда, степенно плывущие по черной воде. Потом они начинали сбиваться в стаи, толкать друг друга рыхлыми тяжелыми боками, обламывались с невероятным, каким-то сахарным хрустом и устремлялись дальше.

– Куда спешат, и сами не знают, – выдохнула как-то Ольга, не отрывая взгляда от реки.

– Что ты имеешь в виду? – не понял тогда Стас.

– Торопятся, толкаются, а впереди ничего, кроме краха.

И она посмотрела на него с такой тоской, что у него сердце защемило. Будто бы и понял, что она имела в виду, а все равно бестолково переспросил:

– И что?

– А то! – Она ткнула его в плечо. – Никогда не надо спешить, Супрунюк! Не надо толкаться локтями, пытаться обогнать! Не надо никогда торопиться и тогда, возможно, избежишь себя от неминуемого краха. Вот что я имела в виду...

А он поторопился? Поторопился, сделав выбор не в ее пользу? Он много раз задавал себе этот вопрос с тех пор, как расстался с ней. И каждый раз не находил ответа.

Да нет, наверное, скорее всего...

– Так да? Нет? Или наверное? – с пониманием хмыкнул как-то один из его друзей, когда Стас задал ему этот вопрос.

Ответить он не смог. Не знал он ответа. Не было его, хоть тресни!

С Ольгой ему было очень славно. И он любил ее, кажется, за все время, что они были вместе, она не надоела ему. Никогда не была в тягость. Так, порой донимала своей бесшабашностью, за что могла получить легкий подзатыльник. Иногда путалась под ногами, мешала его планам, но он способен был быстро восстанавливаться. И ни разу не имел невосполнимых потерь. Только усталость, пожалуй, накапливалась.

Да, все-таки, видимо, он просто со временем устал от ее энергетики, хотя и не отдавал себе отчета. И ему не с кем было ее сравнить. А когда в его жизни появилась Света...

Света, Светочка, Светланка. Славная милая девочка. Беззащитный воробышек, ласковый добрый котенок, любящий сворачиваться клубочком на его половине кровати. Она была полной противоположностью Ольги. Даже внешне.

Ольга была высокой, длинноногой, длинноволосой, с потрясающей фигурой и удивительно красивыми чертами лица. Ему всегда льстили завистливые мужские взгляды, провожающие ее. Всегда был горд тем, что обладает таким сокровищем.

– Ты со временем устанешь хранить у себя такой бриллиант, дорогой. Устанешь бояться за его сохранность, – покачивала головой мать, с осторожностью любившая Ольгу. – Она слишком хороша, чтобы быть твоей женой. Слишком!

Мать, как всегда, оказалась права. Он не выдержал. А чего, и сам понять не мог. И до сих пор не понял.

Светлану мать поначалу приняла весьма сдержанно. А потом, в третий или четвертый визит, оценивающим взглядом прошла по ее хрупкой фигурке, потрогала коротко выстриженный затылок, погладила по пухлой, как у подростка, щеке и обронила удовлетворенно:

– Хорошая девочка. Женись на ней, сынок.

Он и женился. Спонтанно как-то, быстро, хотя в глубине души и хотел какое-то время побродить в холостяках. И, что странно, ни разу потом не пожалел. Почти ни разу. И никогда не сравнивал их. Почти никогда.

Сравнивать приходилось лишь тогда, когда Ольга врывается в их жизнь мощной торпедой. Переворачивала все с ног на голову, глумливо смеялась, неудачно шутила, заставляя их со Светой чувствовать себя последними гадами на земле.

Потом она уходила, а они замолкали почему-то. Они не могли после ее визитов говорить друг с другом. Разбредались по комнатам, старательно делая вид, что работы невпроворот, нужно срочно все закончить. Встречались за обеденным столом с охапками бумаг, опять же только для того, чтобы отгородиться друг от друга и не иметь возможности разговаривать. Дня через два-три такой канители они начинали скучать. Света принималась ласкаться, журчать, убаюкивая его чувство вины до следующего Ольгиного визита или звонка.

Вчера ночью она снова позвонила. Несла какую-то чушь, рассказывала старые анекдоты и сама же хохотала над ними. Света, вытянувшись в струну, сидела подле телефонного аппарата с включенной громкоговорящей связью, чтобы и он принимал участие в разговоре, и боялась смотреть в его сторону.

– Так больше продолжаться не может, Света, – проговорил Стас, когда сеанс громкоговорящей связи был закончен. – Мы не должны терзаться из-за того, что любим. Не должны стыдиться своего семейного счастья.

– Мы поступили с ней подло, – судорожно вздохнула его жена и всхлипнула. – Я часто думала, милый... Если бы со мной так поступила Оля, я бы не пережила. А она находит в себе силы...

– Измываться над нами! – подхватил он и потянулся к ее плечу, ухватил и привлек к себе. – Она же сильная, она все выдержит. А ты?

– А что я? – Она податливо прильнула к нему, продолжая всхлипывать. – Я подлая. Я не должна была...

– Что? Любить меня не должна была, что ли? Но с этим ведь очень трудно бороться, не так ли?

– Невозможно!

– Вот и я о том же. Тем более мы ведь старались.

– Да, старались.

Они и в самом деле избегали друг друга очень долгое время, когда поняли, что происходит между ними что-то не то, когда как-то все стремительно начало выходить за пределы дружеских отношений. И Ольга глупенькая, раз думает, что все у них славно и гладко выстроилось с того самого сломанного утюга. После того пустякового ремонта сколько всего было! И встреч, будто бы случайных. И несурзных звонков. И нечаянных прикосновений. Но все старательно не замечалось, отодвигалось на задний план, жесточайше подавлялось глубоким чувством вины.

Может, потому и отношения у них теперь такие прочные и тщательно оберегаемые, что долгосрочно выстраданы были, а? Может, потому каждая их ночь теперь полна новизной и

узнаванием, что прежняя концентрация их подавляемой чувственности наэлектризовалась до такого предела, что начала стрелять жгучими искрами во все стороны?

Наверное, все так. Наверное...

– Станислав Викторович, а вот этот абзац нужно с новой строки печатать?

Бестолковая Татьяна продолжала стоять подле его стола, тыкать коротким ноготком в черновик и смотреть на него глупыми коровьими глазами.

И зачем только Светка ему ее подсунула? Прежняя Верочка очень умненькой была, и уж точно симпатичной, слепой бы разглядел, а эта...

Это она ревнует тебя, Супрунюк, тут же подсказал услужливый внутренний голос. Светка твоя ревнует, потому и настояла на увольнении прежней секретарши, обвинив ее в постоянных опозданиях. И секретаршу тебе вызвалась сама подобрать. Подобрала, называется!

– Так, Татьяна, слушай меня внимательно и запоминай, – вдруг разозлился Стас и на тупую секретаршу, и на Свету с ее женской осторожностью. – Еще один такой промах, заявление на увольнение положишь мне на стол. Все, ступай, и работай уже, работай! Мне этот доклад нужен к шестнадцати ноль-ноль!

Коровьи глаза вдруг наполнились таким животным страхом, что Супрунюк устыдился. И что, в самом деле, прицепился к девчонке? Попросил бы Галку из бухгалтерии, та давно бы уже все отпечатала и даже отредактировала бы. А эта пускай бы на звонки телефонные отвечала. С этим она более-менее справляется.

– Я щас, – вдруг тряхнула головой Татьяна, и страх в ее глазах вытеснился дикой обидой. – Щас, Станислав Викторович.

Упорхнула за дверь. Минуты три ее не было. Потом ворвалась без стука, чего не позволяла себе никогда, и, положив ему на стол лист, исписанный детским почерком, удовлетворенно произнесла:

– Вот! Подписывайте!

– Что это? – Он смотрел на Татьяну, не читая.

– Это заявление об уходе.

– Что, считаешь, второй абзац тебе не по силам? – примирительно улыбнулся Супрунюк. – Не торопишься, а, Тань?

– Нет, не тороплюсь, все равно нам с вами вместе не работать, – она поближе пододвинула ему свое заявление.

– А что так? – Ему вдруг сделалось интересно, чем это он так не угодил нерадивой девице.

– С вами ведь никто, кроме нее, не сможет работать! Вернее... – она помялась немного, пытаясь подобрать слова, но потом решила сказать так, как думает: – Вернее, это вы ни с кем, кроме нее, не будете работать.

– Кроме кого? – побагровел Стас, отлично понимая, что к чему.

– Кроме вашей бывшей невесты, Станислав Викторович! Вы ведь каждую новую секретаршу на нее примеряете. Сколько их у вас после нее поменялось, а? Молчите! А я вам напомним: четыре! И это за полтора года-то! А Ольга у вас в приемной просидела три.

– Четыре, – поправил Стас, сморщившись.

Какого черта какая-то глупая деваха пытается копаться в его личной жизни? Какого черта она пытается анализировать его поступки? Распустил команду, совсем обнаглели!

– Четыре года, у вас неправильные сведения, Татьяна, – моментально переходя на «вы», жестко отчеканил Супрунюк. – И она не сидела в приемной, в отличие от вас, она работала!

– Так пускай бы и дальше работала, зачем уволили? Все равно вы общаетесь, – снова начала лезть ему за кишками молоденькая бестолковая дрянь. – Все так и говорят...

– Что говорят? – резко перебил он ее.

– Что, раз вы остались друзьями, могли бы и дальше работать вместе. А то вы и сами мучаетесь, и людей мучаете.

Он мучается? Что, в самом деле это так и выглядит? И что, это настолько неприкрыто для остальных?

Да бред же, бред!

Это же ерунда какая-то! Он же счастлив! Он абсолютно счастлив со Светкой, чего они все несут?! У них полная идиллия и дома, и на работе. За год совместной жизни они ни разу не усомнились в искренности своих чувств, ни разу не пожалели. И никаких эротических видений с участием Ольги, как, по слухам, бывает у других мужиков, у него в постели не случилось и не случается, когда он со Светой. И не сравнивал он их почти, потому что они совершенно разные. Это все равно что тигрицу и... ну, к примеру, лилию сравнивать.

– И кто же так говорит, Таня? – быстро собрал он свою растерянность в кулак.

– Да все!

– Что, прямо с утра до ночи собираются в курилке и обсуждают тему моих отношений с Лаврентьевой? Все-все, начиная от уборщицы и заканчивая моим замом? – с холодной усмешкой уточнил Стас, подписывая ей заявление. – Вы сами не знаете, что несете... Вот, заберите и сдайте дела Галине из бухгалтерии.

– До свидания, Станислав Викторович, – с горделивой обидой обронила Татьяна, направляясь к двери, потом вдруг притормозила и, не удержавшись, проговорила с ехидцей: – А все-таки вы ее не перестали любить, Ольгу свою. И зачем вы только ее бросили?..

Вот сука, а! Весь день ему обгадила напоследок. Наговорила, а теперь сиди и думай, что и как он делает не так, что у общественности вдруг такое на его счет мнение?

Ведь если Татьяна и преувеличила, то ненамного. Наверняка сплетничают по углам, наверняка. А сплетни, как известно, на ровном месте не рождаются. Всегда повод должен быть. Кто же этот повод народу преподносит? Он? Светка? Или, может, Ольга куражится подобным образом?

– Галина, зайди ко мне, – приказал он, позвонив в бухгалтерию.

Галина в его кабинет впорхнула крупным мотыльком. Тут же поправила на огромной груди пышные фалды малиновой блузки, пробежала ладошкой по укороченной юбке, открывающей полные коленки, прострочила паркет каблучками, подбегая к его столу, и замерла нарядным эльфом слева от плеча.

– Дела у Татьяны принимай, – приказал он, неодобрительно покосившись на яркий наряд Галины. – Какая ты...

– Какая?

– Яркая.

– А, это мне любимый из Турции тряпки приволок, – рассмеялась она. – Я бы не надела никогда, слишком уж вульгарно, да обижать не хочется. Он все пристаёт да пристаёт, чего не носишь, я, говорит, искал, старался. Чудной!

По тому, как именно она назвала своего мужа чудным, Стас понял, что Галина и в рубище нарядилась бы, лишь бы ему угодить. Любовь!..

– Мне пересаживаться в приемную? – без лишних уточнений спросила Галина.

– Да, придется пока, – поморщился Стас, понимая, что без объяснений со Светланой ему не обойтись. – У меня к тебе разговор имеется, Галин. Ты человек откровенный... Присядь-ка.

Галина вытянула стул из-под стола переговоров, присела и уставилась на него внимательными добрыми глазами.

– Тут вот какое дело... Танька только что мне тут такого наговорила...

– Не берите близко к сердцу, Станислав Викторович, – поспешила успокоить его Галина, еще не зная, о чем пойдет речь. – Не очень хорошая девочка, любит позлословить.

– Так цитировала она!

– Кого?!

– Коллектив будто бы наш. Говорит, все в один голос утверждают, что никто мне, кроме Ольги, угодить не может. Будто я до сих пор ее люблю, по мнению опять же коллективному. И что зря я ее будто бы бросил! Вот ведь... Это что, и правда всем так кажется?

Он понимал, что беседа с Галиной – не что иное, как проявление слабости. Его слабости. Что он не должен был, не имел права об этом заговаривать, но ничего поделать с собой не мог. Слишком зыбка почва, по которой Татьяна заставила его ступать. Не смог бы он, ни за что не смог идти по ней без поддержки. Увяз бы точно и запутался, а потом и тонуть начал. Одна надежда на старую подружку, которая не выдаст, не предаст и не разнесет на весь белый свет.

– Не знаю за остальных, но мне вот лично... – начала Галина и вдруг запнулась. – Честно говорить?

– А как же? – обеспокоенно вскинулся Стас. – Если ты честно не скажешь, тогда кто?

– Честно можно, но вот беспристрастно вряд ли получится, потому что... – она снова запнулась. – Потому что я не люблю Светлану Викторовну.

– Что так? – Он старался не обращать внимания на неприязненное чувство, холодком кольнувшее в самое сердце. – Честно говори, Галь! Я тебя не прошу, я тебе просто приказываю!

И тут же обругал себя нещадно. Дурак! Идиот последний! О чем вздумал говорить с женщиной! Станут они любить друг друга, как же!

– Я считаю ее неискренней, Станислав Викторович. Уж простите мне мою откровенность, но... Как она поступила с Ольгой?

– И ты туда же! – вспыхнул он. – Да никто ни с кем никак не поступал, пойми! Все так сложилось!

– Как? Как сложилось, Станислав Викторович? Так, что она задумала вас отбить у лучшей подруги, чтобы поиметь в мужья?!

– Задумала? С чего это ты решила, что она задумала? Все само собой получилось и...

– Само собой даже прыщ не вскочит, господин Супрунюк, – усмехнулась Галина и посмотрела на него как на несмышленища. – Ее ведь к нам Ольга попросила устроить, после вашего знакомства у вас на квартире, так?

– Ну.

– А Светлана однажды на корпоративе под хмельком брякнула по неосторожности одной нашей, из бухгалтерии, что костями, мол, лягу, но мужик моим будет. Как вам это?

– Брехня! – возмутился Стас. – Такого быть не может, Светка не такая! И языком с кем попало молот не станет.

– Во хмелю-то?

– Пусть так, но... Как можно быть уверенным, что кто-то кого-то может... – Он замолчал, не зная, чем заменить тривиально базарное слово «отбить».

Галина по-бабьи быстро нашлась и закончила за него, а потом снова усмехнулась:

– Много вы, мужики, про нас, женщин, понимаете!.. Вы спросили, я ответила. Уж простите, коли не пришлось по душе. Мнение мое неизменно. А что касается Ольги... Она бы так никогда не сделала, никогда!

– А как же чувства, Галь? – совсем уже растерялся Стас, начав бестолково складывать бумаги на столе в стопку. – Разве они могут быть подконтрольны?

– Любовь с первого взгляда, если вы это имеете в виду, Станислав Викторович, случается обычно до двадцати лет. Потом мозги работают иначе. И чтобы серьезному чувству возникнуть, нужны предпосылки. Так вот Ольга никогда бы в вашу сторону даже не глянула, я имею в виду как на мужчину, если бы вы были на тот момент женаты. Она для этого слишком чиста и порядочна. Да, она могла быть легкомысленной, взбалмошной, но никогда вероломной. И лично я очень удивилась, когда вы ей предпочли Светлану Викторовну. Она же...

– Ну, ну, не молчи! – подтолкнул ее Супрунюк, уже сто раз пожалев, что затеял этот глупый, ненужный разговор и никак не мог прекратить его. – Что она? Не способна влюбиться в меня с первого взгляда?

– С первого она вас оценила, со второго приценилась и все взвесила, а с третьего уже начала примерять на себя, – жестко парировала Галина, через слово извиняясь. – Такой прагматичный... Такой расчетливый человек, как она, не способен на безрассудство, а именно это подразумевает любовь с первого взгляда. И что касается ваших секретарш...

– Ну! Чего мнешься-то опять?! Считают, что я с ними не срабатываюсь.

– Да не вы, Станислав Викторович! А она – Светлана Викторовна. Она начинает палки в колеса подсовывать, как только подметит, что взгляд вашей очередной секретарши на вас задержался чуть дольше положенного. Она чисто по-женски рассуждает: если он женился однажды на своей секретарше, почему ему этого не сделать во второй раз, и если он один раз ушел от своей женщины, то почему бы ему не сделать этого вторично?

– Ольга не была моей женой, – проворчал Стас, принявшись складывать на столе домик из карандашей.

– Да? – совершенно искренне изумилась Галина. – А мы все считали именно так. Только ее, кстати...

И ушла, «успокоив» его таким вот бесхитростным способом. А ему теперь хоть в петлю, хоть с обрыва в реку. И чего ведь наговорила-то! Его Светка – расчетливый человек? Его воробышек, котенок ласковый, слабый, нежный?..

Да, не безрассудный. Да, не взбалмошный, не легкомысленный, но и не расчетливый же до остервенения.

Заранее она задумала его заполучить, надо же такое придумать! Да тут нужно было такую комбинацию состряпать. Просчитать каждый шаг, выверить каждое движение...

Вот оно, зерно сомнения, что с человеком способно сотворить, а? Ведь стоило ему упасть даже на не возделанную почву, тут же крохотными всходами пошло. И зернышко-то маленькое, почти невидимое глазу, а как затеребило.

Неужели Светка и правда могла часами караулить его у магазинов, возле банков, кафе, сталкиваться с ним нос к носу, будто неожиданно? Ведь встреч этих, если сосчитать, дюжины три было, никак не меньше. Неужели не случайно, а строго запланированно? Но ведь тогда весь его график надо было знать от понедельника до пятницы...

Ольга могла разболтать. У нее от подруги секретов не было. Тоже еще, наивная душа.

Так, а встреча на выставке какой-то знаменитости, куда его обязали прибыть, а Света там по наитию творческой души оказалась, тоже не случайна? А там ведь она впервые в его объятия упала. В буквальном смысле. Они, помнится, спускались с третьего этажа, где в кафе кофе пили, Света оступилась на высоких каблуках и прямехонько к нему в руки и скатилась по ступенькам, потому как он шел чуть впереди.

Он сильно перепугался тогда, что они вместе по лестнице слетят и шеи себе попереломают. И когда поймал ее на лету, прижал к перилам посильнее, ухватившись за них двумя руками. И получилось так, что своим телом всю ее сразу почувствовал. Вот тогда-то в нем и заискрило, потому что подалась она вперед, навстречу, хотя и глаза опустила, и смутилась будто бы.

Так смутилась или нет?

Так, идем дальше...

Переход через ручей на тренинг-команде сразу вспомнился. Он со Светкой в паре оказался. И нужно было им от преследования уйти. Они петляли, петляли по лесу, то через реку, то через овраг. Остановились, когда голосов не стало ничьих слышно. Но все равно решили спрятаться понадежнее, потому что бежать стало некуда, лес поредел, замаячив опушкой. Да и силы на исходе, они едва дышали.

– Давайте вон там заляжем, – предложила Света, кивнув в сторону огромного дерева с вывернутыми наружу корнями. – Прямо как берлога. Там нас никто не найдет.

И не нашли, хотя до самого вечера искали. Перепугались даже, начав орать что есть мочи. Пришлось вылезать, хотя и не хотелось. А почему? Да потому, что самое главное там у них случиться успело. И опять по глупой случайности.

Пока лежали, притаившись, в корнях дерева, к Светлане за шиворот свитера кто-то заполз. Она заверещала громким шепотом, заворочалась и принялась с себя стаскивать все – сначала куртку, а потом свитер. И все брыкалась и отмахивалась, и хныкала, как маленькая перепуганная девочка. Встрянули одежду, ничего не обнаружили, и...

Спокойно выдержать зрелище красивого женского тела, наполовину обнаженного, он не сумел. То ли вынужденное бездействие так его распалило, то ли Светлана показалась необычайно прекрасной на фоне грубых серых корневищ, но Супрунюк перестал себя контролировать.

Все это тоже специально было подстроено, да?

– Чертовщина какая-то! – фыркнул Стас и со злостью смел карандашный домик со стола на пол. – Так не бывает! Никто меня не принуждал...

Конечно, его никто не принуждал ни встречаться с ней, ни жениться на ней потом. И любить он не мог только потому, что ей так хотелось. Он просто любил ее и все! И совсем иначе любил, нежели Ольгу, к которой испытывал чувство чуть большее, чем дружеская привязанность.

Да, удобно ему с ней было, во всех отношениях удобно: всегда под рукой и на работе, и дома. Да, секс был потрясающий. Готовила она неплохо и ухаживала за ним как подобает. Красавицей опять же была, каких поискать. Но не млеет он рядом с ней, убейте его! Не задыхался от нежности, не спешил никогда, когда в пуговицах и застежках ее запутывался.

А со Светкой все так и было. И страсть, и нежность, и любовь. Банально звучит, но так. И есть ли, в принципе, разница, каким путем он шел к своему счастью! Своим или проложенным умелой Светкиной рукой... Если это и вероломство с ее стороны, то весьма из благих побуждений – чтобы быть рядом с ним. И он за это ей только спасибо может сказать.

Ольга вот осталась в пострадавших, это, бесспорно, отравляло счастье. Но Стас уверен был на все сто, что совместная жизнь с ней продлилась бы еще совсем недолго, останься он и не уйди к Светлане.

– Милый, привет, – будто услышав его мысли на свой счет, просунула аккуратно причесанную головку из-за приоткрытой двери Светлана. – Как дела?

– Нормально. Привет, – буркнул он, хотя вовсе не собирался бурчать.

– Ты не занят? Можно к тебе? – попросилась Света.

Она всегда спрашивала разрешения. Никогда не смела комкать его рабочий день, с благоговейным трепетом относясь к делу его жизни. И уж, конечно, не могла, как Ольга, забраться к нему на стол с ногами, смахнуть с него бумаги и начать приставать к нему сразу после серьезного оперативного совещания, когда в приемной человек пять разноса ожидали.

– Конечно, Свет, можно. Чего ты? – улыбнулся Стас, но неожиданно вышло криво, снова не так, как хотелось.

Вот противные бабы, что за народ, а? Наверещали, насплетничали, а ему теперь и не хочется, а думается. И все вроде по нужным полкам разложил, все у него сошлось как надо, а все равно что-то теребит внутри неприязненное, и голос предательски садится, и улыбка не выходит.

Света осторожно, будто на цыпочках, – она всегда так ходила – подошла к его столу и уселась на Галкином стуле, который та, упорхнув, не успела задвинуть. Села, аккуратно разложила локоточки на столе, как отличница, и посмотрела на него с такой трогательной щенячьей доверчивостью, что у Стаса моментально стиснуло горло.

Ну чего он, в самом деле! Чего еще пытается в ней для себя узнать? Вот она перед ним, вся открытая, как на ладони. И душа, и тело, и сердце! Читай, – не хочу. Скажи он ей сейчас: прыгни из окна третьего этажа (а именно на третьем был его кабинет) – прыгнет, несомненно. Попроси достать молодильное яблочко, так семь пар железных сапог износит, а принесет. Она для него на все готова, Светка его – милый, славный воробышек...

– Татьяну уволил? – спросила она безо всякого выражения.

– Да не то чтобы... – Он досадливо поморщился, объясняться с женой насчет очередной секретарши жутко не хотелось. – Просто сказал, если не готова работать так, как мне надо, пускай пишет заявление.

– А она что? – заинтересовавшись, чуть улыбнулась Света, кончиками тонких пальцев пятная полированную поверхность стола для переговоров.

Была у нее такая привычка – тыкать кончиками пальцев по столу, будто она в тот момент невидимую клавиатуру нащупывала, намереваясь сыграть. Звуков, конечно же, из-под ее пальцев не рождалось, а вот пятнышки на полировке оставались. Причем не всякий раз Светлана про них помнила и вытирала.

Обычно он наблюдал за этим с интересом. Когда узнавал ее, даже пытался углядеть какой-то определенный алгоритм в ее движениях и даже на бумагу переносил и соединял хаотичными линиями. Все ждал непременно, невероятного открытия или умопомрачительных аккордов, если линии сложились бы в ноты.

У Супрунюка ничего не вышло. Ни открытий, ни нот, ни звуков, только пятна на мебели...

– А она пошла и написала заявление. И еще гадостей мне наговорила! – пожаловался Стас жене.

– Каких гадостей? – удивилась Света, хотя все давно знала из сбивчивых объяснений Татьяны, когда та рыдала у нее на плече.

– Да про Ольгу! – нехотя признался Стас. – Будто я ни с кем, кроме нее, сработаться не смогу.

– Может, и так, – неожиданно отозвалась Света и вздохнула. – Может, она и права, милый. Может, и не надо было Олю увольнять. Все было бы гораздо проще.

– И что же, прикажешь мне ее назад возвращать? – Он неожиданно развеселился: воистину женщины не переставали его сегодня изумлять.

– А ты готов? – Она призывно улыбнулась.

– Да мне-то что! Пускай работает. Я ее и не увольнял, она сама не вышла. Да что я тебе рассказываю, ты лучше меня все знаешь.

– Знаю, – кивнула Света, неуловимым движением облизнув губы.

Ох, как он любил, когда она так делала! Ох, как заводился! Тут же пытался повторить ее движение, только теперь своим языком, но с ее губами. И тащил в кровать, и не позволял подняться, когда она то в душ, то попить просилась.

Много они понимают, бабы эти! Соблазнила, увела, отбила! Пускай попробовала бы хоть одна Светкиным ремеслом заняться, интересно, как далеко продвинулась бы. А она особенно ничего такого и не делала, и продолжает не делать. Ей иногда достаточно просто посмотреть на него, как внутри все обрывалось и делалось тяжелым и горячим.

– Так что, может, правда взять ее снова на работу, Светлан? – продолжал веселиться Супрунюк, не углядев, как ни старался, в лице жены и намек на расстройство или ревность. – Перестанет тогда изводить нас ночными звонками, неожиданными визитами. Успокоится, глядишь, остепенится и...

– И простит? – с надеждой подхватила Света.

– Может, и простит, – крикнул Стас.

Вот если откровенно, то виноватым он себя не очень-то и считал. Это Светка вся изве-лась, а он нет. Миллионы женщин и мужчин расстаются, поняв, что отношения исчерпали себя. А у них с Ольгой со временем так бы и случилось, не ускорь процесса Света. Детей у них не было. И о женитьбе если и говорили, то всегда в шутку и никогда всерьез. С чего ему было обвинять себя в подлости? Да, признаться Ольге было нелегко. И нелегко в первые месяцы с гадким чувством вины жить. Его, правда, как стал считать Стас со временем, ему тоже навязали. Обе женщины: и Ольга, и Светлана.

А что, в сущности, произошло-то? Расстался с одной женщиной, предпочтя ей другую? Какая трагедия, в самом деле! У Ольги до него было два романа, у него до нее – не счесть. Да что произошло-то?..

– Можно было бы с Олей поговорить насчет ее возвращения, – Светлана кивнула округлым подбородком в сторону приемной, осиротевшей без секретарши. – Но...

– Что «но»? – Стас забеспокоился.

Неужели права Галка и Светлана ни за что не посадит в его приемную неугодного ей человека? А Ольга, какой бы виноватой Светлана себя перед ней ни считала, ей в первую очередь соперница. И очень серьезная. Это опять же исходя из Галкиных слов, не из его соображений. Он-то уже выбрал.

– Но, кажется, у Оли уже есть работа, – и она стрельнула в его сторону лукавыми глазенками. – Как думаешь, где я пропадала последние полтора часа?

– И где?

Он даже и знать не знал, что начальник коммерческой службы, то есть его жена, последние полтора часа отсутствовала на своем рабочем месте. Не захотела докладывать или отвлекать?..

– Перегоняла Олину машину от «Эльбруса» к «Фабуле», – кончики ее пальцев, совершив виртуозное па по полированной столешнице, сошлись в одной точке. – Спроси, с какой стати?

– Спрашиваю – с какой стати? – улыбнулся Стас, хотя внутри у него все напряглось до такой степени, что того и гляди сорвется на крик.

Нет, бабы его сегодня все же доконают. Как живут, непонятно, черт бы их побрал! В каком-то своем обособленном мирке, по своим неписаным законам, которые никогда мужской половине человечества подвластны не станут. Никогда им, мужчинам, не понять внезапных порывов и отступных маневров.

– Я ей позвонила, – призналась Света, продолжая пятнать стол для переговоров замысловатым хаотичным узором. – Спросила, как дела... Спросила, не нужно ли ей чего.

– И она прямо сразу с ходу тебя попросила! – фыркнул Стас, не поверив.

– Нет, не сразу.

– Опять прощения просила? – догадался он и негромко выругался. – Свет, ну сколько можно?! У нее, может, уже сорок романов после нашей свадьбы случилось, а ты все...

– Ну не знаю...

Она неожиданно с облегчением рассмеялась, глядя мимо него, куда-то в стену над его головой. И понять, откуда вдруг взялась эта легкость, чем была вызвана, Супрунку никогда в жизни не догадаться, как бы он ни старался.

– Ну не знаю, как насчет сорока романов, а вот один очень даже серьезный намечается, – проговорила его жена и заговорщически прикусила нижнюю губу.

– И с кем же? – на той же волне, что и она – игривой и беспечной, – поинтересовался он, изо всех сил стараясь, чтобы холодок из сердца неожиданно не просочился в глаза. – Кто же такой счастливый? Мы с ним знакомы?

– Еще бы! – продолжила веселиться Светлана, не уловив ничего из того, что его беспокоило. – Георг Третий.

– Жорка?! – вытаращил на нее глаза Стас. – Жорка Тихонов?! У него с Олькой роман?! Не может быть!..

– Может быть, а может и не быть. В том смысле, что может не случиться, если она неверно себя поведет, – Светлана тряхнула головой, но ни один волосок из ее аккуратной стрижки не сдвинулся с места. – Он ее на работу берет. Причем на встречу она с ним опоздала, а он все равно берет!

– Жорка?! – снова ахнул Стас.

– Ну! Так мало этого, машину за ней прислал, прикинь?

Супрунюк прикинул и понял, что Тихонову что-то понадобилось от Ольги Лаврентьевой. Как пить дать, понадобилось. Иначе с чего такое непозволительное великодушие?

Он терпеть не мог разгильдяев и неопрятных людей, за крошку от кекса на одежде запросто мог уволить со службы. Пасьянс «Паук» грозил не только увольнением, но и невыплатой выходного пособия. А уж опоздание запросто могло бы грозить гильотиной, отвоюй он права на нее перед законом.

– Ему что-то от нее нужно, – проговорил он вполголоса.

Но Светлана не услышала в его тоне озабоченности и подхватила радостно:

– Ну! А я что говорю? И я о том же!

– О чем? – стараясь не смотреть на жену, особенно мрачно, а именно такие предчувствия его теперь терзали, спросил Стас.

– О том, что Тихонов, скорее всего, в Ольгу влюбился! – на подъеме сообщила Светлана.

– Да ну! – насмешливо покосился на нее Стас.

– А почему нет, милый? Почему нет? – зашебетала Светлана и впервые за все время показалась ему вдруг не очень разумным существом. – Ольга очень красивая женщина, одинокая. Тихонов тоже весьма и весьма интересен. К тому же холост до сих пор. И...

– И наша фирма ему как кость в горле, – перебил ее Стас, устав слушать про достоинства своей бывшей подружки. – И холост он уже давно. И женщин вокруг пруд пруди, и среди них такие красавицы встречаются, глаз не оторвать! А он почему-то остановил свой выбор именно на Ольге. На женщине, которая наравне со мной почти четыре года работала в нашей компании. И изучила здесь все до последнего винтика, и всех клиентов знает как облупленных. Вплоть до того, где у каждого из них кнопка. И клиентов этих Тихонову заполучить очень бы хотелось. И завидовал он мне с первого дня основания фирмы, и свою-то основал следом тоже из зависти. И даже места другого не нашел, как через дорогу... Нет, дорогая, что-то ему нужно. Что-то еще, кроме ее великолепных женских достоинств.

– Думаешь? – прикусила теперь уже верхнюю губку Светлана, забеспокоившись. – Что же делать, Стас?

– Выход один, дорогая, – Супрунюк припрятал до времени лукавство на дне глаз. – Надо Ольгу нам назад вернуть, чтобы она все наши тайны конкурентам не сдала. И сделать это надо непременно сегодня. И прямо сейчас! Она уже уехала оттуда, не знаешь?

– Не знаю, – неуверенно ответила Светлана и тут же бросилась за ним следом из кабинета, пытаясь схватить за рукав пиджака. – Стас, милый, не нужно так торопиться, поверь! Оля будет пристроена на хорошую работу, при шикарном мужике! Ну что ты так летишь, я не знаю!.. Она тогда и нас оставит в покое!.. Я так устала от ее присутствия в своей жизни... Стас!

– Ты что, ревнуешь, я не пойму?

Он остановился внезапно и снова поймал ее, как тогда на лестнице, когда они будто бы случайно встретились на выставке знаменитости. И она снова, как и тогда, прильнула к нему и подалась навстречу. Только что-то теперь ничего не откликнулось в Супрунюке, не взорвалось и не взметнулось искрами в черное небо.

Может, потому, что сильно обеспокоен он был будущим дела своей жизни? Или неприятно уколола его недалевидность Светланы, которая стремилась всеми правдами и неправ-

дами убрать с его горизонта возможных соперниц, все равно какой крови это будет им обоим стоить?

Что-то не то...

Как-то по-другому он себя с ней сейчас чувствует. Неуютно и не трепетно будто бы.

Придумывает или так все и есть? И если есть, то с чем это связано? С озабоченностью судьбой своей компании или с озабоченностью судьбой своей бывшей возлюбленной?..

Да бред же! Быть такого не может! У него Светланка есть, маленький испуганный воробышек. С чего его судьба Ольги Лаврентьевой должна волновать? Да и в компании за то время, что она не работает, много чего поменялось. Не сможет она никак навредить им, даже если и захочет.

Вот лезет же в голову чертовщина! А все почему? Да потому, что душевно пообщался сегодня с женщинами. Наслушался от них вздора, позволил прополоскать мозги, как им вздумается...

– Свет, ты что, ревнуешь? – снова повторил он, дую ей в ушко с осторожной нежностью. – Признайся, ревнуешь?

– Я??? – Она задохнулась от возмущения.

И даже вырваться из его рук попыталась. Благо он держать умел крепко и не выпустил. Она обмякла тут же, поняв, что сопротивление бесполезно, и кивнула куда-то ему в грудь. И пробормотала сдавленно:

– Конечно, я тебя ревную, Супрунюк. Всегда и ко всем. Не злобно так, не до фанатизма, но ревную. А разве возможно иначе? Ты вон у меня какой!

– Какой? – Польщенный, он улыбался, уложив подбородок на ее склоненную макушку.

– Необыкновенный! – призналась Светлана.

И руки ее полезли ему за спину и сцепились там в надежный замок.

– Поэтому ты не хочешь, чтобы Ольга возвращалась сюда?

– Нет! – Она отчаянно замотала головой, боясь, что он не поверит. – Нет, не поэтому!

– А почему?

– Надо дать ей возможность пожить другой жизнью, Стас. Другой, а не нашей! Иначе этот кошмар никогда не закончится, никогда!..

Глава 3

Этот кошмар никогда не закончится! Точно, никогда! Куда бы ни ступила ее нога, она непременно либо каблуком, либо носком туфли натывается на незримую тень подлого предателя – Супрунюка Станислава Викторовича.

Она сегодняшним утром честно решила начать жить по-новому. Даже макияж был сегодня другим, не таким, как прежде, а умеренным. И одежду сегодня выбирая, она тоже проявила сдержанность. Ограничилась юбкой до колена и глухой блузкой, свисающей над поясом объемными складками. Пойди разберись, что у нее за фигура. Все объемно, совершенно незротично, хотя и не лишено эстетизма. Никакой распушенности ни во внешности, ни в причёске. С усердием зализанные в высокий хвост волосы и совершенно никаких украшений.

Она больше не будет гиперсексуальной, тем более на работе, в чем со смешком часто упрекал ее Стас. Не будет легкомысленной и доверчивой. Она будет сдержанной, серьезной и наплюет наконец на свое прошлое, от которого сил нет избавиться.

Но наплюешь тут, как же! Не успела опустить зад в рабочее кресло, не успела включить монитор, как тут же звонок по телефону. И кто бы, вы думали, звонит? Супрунюк, конечно!

– Приветствую вас, Ольга, – поздоровался он не без издевки. – Как на новом месте?

– Добрый день. Все хорошо, спасибо, – помня о начале новой, совершенно спокойной и лишенной прежних привязанностей жизни, ответила Оля. – Если вы звоните Георгию Сергеевичу, то его нет на месте. Будет примерно через час.

– Я звоню не Жорке, а тебе, чего ты, Оль?! – возмутился Стас, будто и не женился год назад на ее лучшей подруге, и не бросил ее за полгода до этого, и не был теперь абсолютно и бессовестно счастлив.

– Я ничего. Говорю же, у меня все в порядке, – все еще помня о зароке, проговорила она, но карандаш со стола схватила уже лихорадочно и принялась нервно крутить его меж пальцев. – Ты только за этим звонишь? Или мне ему действительно что-то передать требуется?

– Только за этим, – надулся сразу Стас. – Так как дела?

– Нормально.

– А чего к нему пошла работать, к Жорке-то? Мне назло, да, Оль?

– А к кому мне надо было идти работать, Станислав? – насмешливо поинтересовалась она.

Правильнее было бы спросить: а надо ли вообще ей было идти работать? Но она так не спросила. Стас не знал о счетах в банке, которыми заботливые родители снабдили ее еще перед отъездом в Германию и теперь добросовестно месяц за месяцем их пополняли. Не знал, что от безделья она неделями выла в потолок, не зная, куда применить свои два высших образования, необузданную энергию и бездну одиночества. Но точно догадался, что к Жорке она пошла работать назло ему.

Не совсем чтобы так, конечно. Мстить так мелко она не собиралась, хотя поначалу такие порывы ее и сотрясали. Хвала небесам – справилась. Но из сотен предложенных ей вакансий – если бы они случились, конечно же – она точно выбрала бы Тихонова.

Георгий Сергеевич был конкурентом Стаса, и ни для кого это не было секретом. Кто-то когда-то сболтнул, что войне этой уже пара десятков лет и что началась она еще в школе. Стас, когда она спросила, все опроверг. Но, завидев Тихонова, всякий раз напрягался. Посторонний глаз и не заметил бы, но Ольга, зная буквально все о его привычках и настроениях, улавливала.

Вот запонки начал теревить, нервничает, стало быть. Узел галстука за десять минут трижды поправил, тоже нехороший признак. Излишне громко смеется чьим-то неловким шуткам, опять излишняя нервозность прослеживается.

А все почему?

Да потому, что где-то поблизости ленивым барсом бродит Тихонов Георгий Сергеевич и время от времени кивает Стасу с пониманием и призывно поднимает бокал с шампанским, предлагая пригубить.

– За что ты его так не любишь? – спросила она как-то, когда он вдруг утащил ее с прекрасной вечеринки, посвященной чьей-то знаменательной годовщине.

Утащил в самый разгар веселья, как раз в тот момент, когда Тихонов должен был вот-вот ее пригласить танцевать.

– А за что я должен его любить?! – воскликнул тогда Стас, не ответив. – Он мне просто мерзок, понятно? Мерзок без всяких причин и объяснений, и все!

Вот потому-то, что он Стасу был мерзок, как ей – после их совместного чистосердечного признания – Светлана, Оля и приняла предложение Тихонова работать у него. Только по этой причине, ни по какой другой. И пусть сколько угодно скалятся тутешние менеджеры, что приплелись с утра с ней знакомиться, об успешном переманивании конкурентов. Пусть сколько угодно коммерческий директор потирает руки, намекая ей на плодотворное сотрудничество. Она не опустится до того, чтобы мстить Стасу так низко и так гадко. Достаточно с него уже одного того, что она станет работать у Тихонова...

– Так к кому я должна была пойти работать, Стас? – повторила она вопрос, потому что на первый он не ответил. – К тебе, что ли?

– А хотя бы! – вдруг откликнулся он с энтузиазмом.

Узнай она, как он благодарен ей за подобную проницательность, телефоном бы в окно запустила. Он все никак не мог решиться предложить ей вернуться, а она возьми и брякни. Умница, девочка!

– Что хотя бы?

Даже не имея под рукой зеркала, она поняла, что побледнела до синевы. Раньше такого с ней не случалось. После предательства Стаса в ней все поменялось. Она стала более чувствительна ко всякого рода переменам в организме. И когда кожа на лице внезапно натягивалась, а вокруг рта слегка покалывало холодком, Ольга точно знала, что бледнеет. А вот когда глазам вдруг делалось до слез горячо, значит, покраснела, как помпон на спортивной шапке.

– Мы тут со Светой посоветовались, – начал осторожно Стас, не предполагая, что главную и серьезную ошибку уже допустил, озвучив Ольге ненавистное имя. – И подумали, что, может быть, ты вернешься к прежней работе в нашей фирме?

– А разве у тебя сейчас нет секретаря? – вежливо поинтересовалась Оля, начиная уже и ногой подергивать.

Если и вторая присоединится, пиши – пропало. Может запросто сорваться с места, перебежать через дорогу, ворваться к нему в кабинет и...

– Да увольняю я их всех, Оль, – захныкал Стас, жалуясь. – Все в сравнении с тобой проигрывают.

– Все-все-все? – зацепилась она тут же. – И Светка тоже?

– Ну, начинается! – выдохнул он обреченно. – Ну при чем тут Света, если речь идет о приемной, Оль? Как работник ты меня очень даже устраиваешь...

– А ты как руководитель меня – нет! – не выдержала и заорала она не своим голосом, и за дверью точно кто-то остановился и стоял теперь, подслушивал. – И слушай, Стасик, не звони мне сюда больше без дела, у меня очень много работы! И жизнь у меня, кажется, новая начинается. И в ней нет тебе места! И уж тем более Светке твоей! Все, пока!..

Она это сказала? Она точно только что сказала, что ему нет места в ее жизни? Кажется, да. Кажется, сболтнула неосторожно. Очумела, что ли, дура? А как же далекоидущие планы на его счет? Как же ожидание развала его семьи? Она ведь должна была быть с ним предельно вежлива, осторожна и аккуратна в выражениях. Она ведь должна была подхватить его из осла-

бевших Светкиных рук. А вместо этого что натворила? Он теперь ни за что не простит ей подобной грубости. НИ ЗА ЧТО!!!

Дверь в приемную неслышно отворилась, и вошел Тихонов. Вот, оказывается, кто остановился и подслушивал. Надо же, как неумно любопытство у сильных мира сего, а она думала, что это только удел таких, как она, взбалмошных женщин.

– Никто не звонил? – мимоходом поинтересовался Георгий Сергеевич, направляясь к своей двери.

– Нет, – поспешила она с ответом, потом вспомнила, что он подслушал ее разговор со Стасом, и добавила: – Ничего важного. Частный звонок.

– Ага, – не поверил он и покосился подозрительно. – Вы ведь слишком хорошо знаете, что мы с вашим бывшим боссом конкуренты, чтобы я вас предупреждал, Ольга, о возможных последствиях...

– Ах, если вы хотите меня уволить, не приняв, ваше право! – вспыхнула она, с раздражением оттолкнулась от стола, откатываясь в кресле до самого подоконника. – Но я не собиралась и ни за что не стану ему стучать на вас, а вам – на него. И если вы рассчитывали в моем лице...

– Нет, не рассчитывал, – перебил он ее с особой мягкостью, так что у нее под коленками тут же зашипало, а так случалось всякий раз, когда она пугалась чего-нибудь. – Я не стану скрывать от вас, что вы всегда мне были интересны как женщина. Плюс был слышан о ваших деловых качествах. Разве не приятно иметь в своей приемной умную, красивую женщину? Женщину, которая к тому же тебе еще и нравится...

Шутит или нет? Издевается или пытается увести разговор от неприятной темы? Пойми их, этих мужчин! Крутят, мутят, выворачивают наизнанку. Душу ее, к примеру.

Сначала Стас звонит, зовет обратно на работу, будто и не пробежала меж ними даже не кошка черная, а пантера размером с бегемота. Теперь вот еще и Тихонов довольно-таки странные вещи говорит. Будто нравится она ему.

И дальше что, напрашивался вопрос? Остаться работать с Георгом Третьим или вернуться к Стасу? Первый может начать приставать со временем, второй, наоборот, игнорировать, чтобы жену не нервировать. Какое из двух зол выбрать?

– Зайдите ко мне, Ольга. – вызвал по селектору Тихонов, пока она прорабатывала в мозгу план дальнейших действий. – Есть разговор.

Она вошла без привычного для таких случаев блокнота. С чего-то подумалось, что из его кабинета она может выйти уже безработной.

– Вы напрасно не взяли блокнота, – тут же обо всем догадался Георгий Сергеевич. – У меня есть к вам несколько серьезных поручений. И кстати... Я не собираюсь к вам приставать, и уж тем более домогаться. Вы можете быть абсолютно спокойны на мой счет.

– Хорошо, – серьезно кивнула она, не став, как дурочка последняя, лепетать, что у нее и в мыслях ничего подобного не было, что она и не думала, да что вы, мол, такое говорите. – Не стану бояться.

– Но вы всегда должны помнить, Оля, – он улыбнулся по-доброму, тут же загородившись от нее папкой с документами, – что мое сердце пока свободно, и если бы вы пожелали в нем прочно поселиться, то...

– Я сообщу, как буду готова, – перебила она, не желая дальше развивать тему его симпатий. – Что за поручения, Георгий Сергеевич?

– Деловой подход... Н-да... Кстати, а почему вы с вашим образованием и способностями дальше секретаря так и не поднялись? Уж извините мое любопытство, но все же?

Господи! Ну сколько можно отвечать на один и тот же вопрос! Этим вопросом ее постоянно донимали, когда она еще жила со Стасом.

Почему он не повысит ее? Да сколько можно быть девочкой на побегушках? И когда она наконец станет серьезно относиться к своей судьбе, ведь время для роста карьеры может быть безвозвратно упущено?

И так далее и все в том же духе. Оля обычно улыбалась, отшучивалась, но никогда не говорила правды.

Странно, но ее правду снова угадал Тихонов, озвучив ее вполголоса:

– После института часто меняли работу, пытались найти себя. Потом встретили Супрунюка. Тот эгоистично желал всегда видеть вас рядом, поэтому дальше приемной не отпустил никуда. Да вы и не жаждали, решив, что со временем просто станете ждать его с работы и воспитывать его детей. И никакой карьеры вам было не нужно. И вид деловых женщин с замороженными взглядами вас всегда вводил в ступор. Вам не хотелось грубеть, мчаться по жизни, упуская в этой гонке все самое важное и главное...

– И все равно упустила, – вырвалось у нее, когда он замолчал. – Извините.

– Да за что же, Оля!

– Я вас перебила.

– Нет, я все сказал. И хочу вам дать один маленький совет, позволите? – Он снова улыбнулся тепло и искренне.

– Да, конечно, – она пожала плечами.

– Не думайте о том, что вы потеряли слишком много. – Не переставая улыбаться, он кивнул в сторону окна, из которого преотлично был виден фасад соседней фирмы, возглавляемой Стасом. – Может быть, в этом как раз ваш выигрыш, только вы пока не догадываетесь об этом...

Чем-то подобным ее потчевала и Светлана, пытаясь утешить. Учила, наставляла, убеждала в том, что Стаса Оля и не любила вовсе, а просто привыкла с годами. И что, как только она полюбит по-настоящему, так сразу поймет и всем на свете будет благодарна. И Стасу, который за ее спиной крутил роман с лучшей подругой. И подруге, которая уложила в постель ее Стаса и женила на себе. И Тихонову теперь, получается, она тоже должна быть благодарна, который наускивал ее сегодня иначе расставить свои жизненно важные приоритеты...

– ...Как же вам всем объяснить-то?! – простонала Оля едва слышно и вытянула из ванны ослабевшую от горячей воды руку.

Как же им всем объяснить, что ей больно?! Ей просто физически больно видеть их вместе! Знать и постоянно помнить! Ей непереносимо больно, когда она думает о том, как он обнимает, целует, укладывает Светлану в постель. Она же знает, КАК именно он может это делать. Знала, что он может шептать при этом, как улыбаться куда-то в шею, как сдувать прилипшие от пота волосы со лба. И будить как утром может Стас, она тоже знала. Как подхватывать на руки вместе с подушкой и одеялом и тащить на балкон. Усадить в плетеное скрипучее кресло, за которым им лень было ухаживать и умамливать его, чтобы оно не скрипело. Пододвинуть столик вплотную к коленкам, на котором уже стоял кофейник с огненным кофе, молочник и ажурная тарелочка с ее любимым хрустящим ореховым печеньем, и...

И наслаждалась она этим всегда, жила этим день за днем, год за годом и совсем не думала, что наслаждение – просто привычка, как чистка зубов утром и перед сном. Она просто жила им, своим счастьем, которое кто-то взял под сомнение и решил все поправить и устроить по-своему. И она уж точно не хотела, чтобы ее счастье когда-то превратилось в воспоминание.

Ей очень больно, а кому-то кажется, что ей повезло. И они считают, что она поймет со временем. А сколько его должно пройти – времени? Год? Так уже прошел! Два? Так скоро тоже минует! Три, четыре, пять?!

– Я никогда не смирюсь, никогда! – всхлипнула Оля, забрасывая лицо пеной. – Я ненавижу ее! Ненавижу!..

Мобильный заверещал как раз вовремя. Не зазвони он, истерики было бы не избежать. Она любила пореветь в ванной всласть, жалея себя. Потом выбиралась оттуда в толстом стеганом

ном халате, с тюрбаном из полотенца на голове, и бродила неприкаянно по квартире, а потом начинала звонить. Сегодня вдруг позвонили ей. Кто бы это мог вспомнить в начале двенадцатого ночи? Номер незнакомый.

– Привет, красавица, не узнала?

– Нет, – призналась Оля, хотя что-то смутно знакомое забрезжило. – А кто это?

– Так Толик, таксист. Чего же не вышла сегодня, я ждал, ждал, два заказа отменил.

– Ох, Анатолий, простите великодушно. – Оля шлепнула себя ладошкой по лбу, забыла ведь, совсем забыла. – Надо было вам перезвонить, а я... Закрутилась совсем!

– Доехала до «Эльбруса»-то, красавица?

– Да, доехала, спасибо. И машину забрала, все отлично. Извините, Анатолий, что так вышло. Потревожила вас в ваш выходной день, да еще и вызов сорвала. Извините!

– Ну вот! – он вздохнул. – Может, все же пообщаемся?

– Извините, – еще раз повторила Оля, уже начиная тяготиться прилипчивым таксистом. – Думаю, у вас проблем ни с клиентами, ни с общением не будет. Вы у нас человек весьма открытый. Как со мной душевно говорили, так и с кем-то еще можете поговорить.

– Разве то душевный разговор! – фыркнул Анатолий разочарованно.

– Не скажите, не скажите, – улыбнулась Оля. – Мы с вами даже авторитетов уголовного мира вспомнили и едва до ресторана не добрались.

– Так не добрались же! – попенял ей таксист. – Может, все-таки примешь предложение-то, красавица?

– Толик! Уже обсуждалось, кажется, – построжела Оля и тут же соврала: – У меня муж есть, между прочим. И он очень ревнивый.

– Ладно, понял, – закончил скучным голосом Толик. – Звони, если что. Я всегда для тебя в рейсе. А мужу глупо было бы не ревновать такую...

А ведь Стас ее никогда не ревновал. Никогда! То ли доверял слепо. То ли мысли не допускал, что ему – такому удачливому красавцу – можно изменять. А может, все-таки не любил, потому и не ревновал?

Интересно, а Светку ревнует? Кажется, да. Однажды не пустил ее в сауну с какими-то приятельницами, мотивируя тем, что они поверхностно знакомы. Разговор шел при Ольге в очередной ее шальной визит к ним и из-за ее хмельного состояния не слишком привлек внимание. Она в тот момент Стаса пожирала глазами. А теперь вот вспомнила.

Да, он не пустил тогда Светку в сауну. И в спорткомплекс потом не пустил в соседнем микрорайоне, посоветовав подыскать поближе. И на каток таскался с ней по выходным, и на лыжах за город.

А с ней нет! С ней редко куда выезжал, ссылаясь на занятость. Могла его, разозлившись, из-за рабочего стола прямо за галстук выдернуть и утащить куда-нибудь, но то же все не по доброй воле, то же все было по принуждению.

Может, он и жил с ней по принуждению, а? Потому такой легкой добычей и оказался?

Снова звонок, что ты будешь делать! Что-то сегодня она нарасхват...

– Оля! Оля, ты дома? – Голос Тихонова звучал так, будто тот бежал стометровку.

– Да, дома.

– Сиди, никуда не высовывайся и никому не открывай, – с одышкой приказал он, но чуть опоздал.

Она уже стояла у входной двери и крутила замок, увидев через дверной глазок участкового в компании двух угрюмых щетинистых парней.

– Здравствуйте, – кивнула она, отступая в сторону, и вернулась к Тихонову: – Что случилось, Георгий Сергеевич?

– Ты с кем сейчас поздоровалась, Оля?! – заорал тот не своим голосом.

– С участковым.

– С участковым?! Что ему надо?!

– Пока не знаю, – глянула на милиционера, топчущегося на пороге, парни уже подпирали стены в прихожей, и спросила: – В чем дело, Марк Степанович?

– Вы бы закончили разговор, гражданка Лаврентьева, – посоветовал вдруг один из щетинистых. – Мы к вам по делу.

– Извините, Георгий Сергеевич, у них ко мне важное дело, – попыталась она отвязаться от запыхавшегося Тихонова.

– У них?! У кого у них?! – продолжал волноваться Георгий.

– У участкового и... с ним, короче, еще двое.

Оля поздно заметила, как шагнул к ней один из сопровождающих Марка Степановича. Резким движением выдернул трубку, нажал отбой и проговорил со злорадством:

– Все! Отговорилась! Сказано же, дело есть...

Глава 4

– Тебе холодно? Надень немедленно куртку!.. Застегнись... Где твои кашне? Господи, Стас, милый, возьми себя в руки! Ничего же еще не известно, зачем ты так?!

Уставший, перепуганный насмерть голос матери, который она всячески пыталась контролировать и разбавить строгостью, едва доносился до него. Будто кто вставил в уши по огромному ватному тампону и для верности горячим воском залил, чтобы он ничего не слышал и не чувствовал ничего, кроме боли.

Как она корежила его, эта боль! Как ломала тело, выворачивала с хрустом суставы и сжимала в крохотный ледяной шарик желудок. Сердца он не чувствовал вообще. Не знал даже, бьется оно или нет. Наверное, билось, раз он мог слышать голос матери, курить и видеть клубы морозного воздуха вперемешку с табачным дымом, вырывающимся из легких. В голове было совершенно пусто, и от этого становилось еще страшнее.

Он же должен был о чем-то думать, как-то соображать, а не мог. У него ничего не выходило! Все мысли были прихлопнуты стуком входной больничной двери приемного отделения. Вот как только он влетел туда, спросил, куда поступила тяжело раненная Светлана Супрунюк, выслушал ответ, так все – в голове тут же сделалось гулко и пусто.

Он потом десятки раз поднимался на второй этаж, где находилось хирургическое отделение. Топтался у наглухо задраенных дверей операционной, снова выходил на улицу, курил. Слушал стенания матери, пытающейся загнать и себя и его в те самые строгие рамки, которые могли не дать сойти с ума. Опять поднимался на второй этаж и смотрел, не мигая, на закрашенный стеклянный проем операционной.

Все это он делал, но совсем не понимал, почему!

Нет, одно понимал точно. Очень остро, оттого и не мог об этом думать.

Там, на втором этаже, за неровно выкрашенными стеклянными дверями, сейчас идет борьба за жизнь Светки. За ее жизнь, за их общую жизнь, она ведь у них одна на двоих, значит, и за его жизнь тоже. Он ведь не мог без нее жить. Не мог и не будет, если что!

Вот это «если что» и наполняло его мозг черной страшной пустотой, в которой он не мог, не имел права копаться.

– Господи, да за что же такое... – Через полтора часа мать не выдержала и начала причитать: – Чем же мы так тебя прогневали, господи?..

– Ма, прекрати! – прикрикнул на нее Стас и снова поплелся на улицу.

Если мать не угомонится, он точно начнет орать. На все отделение, больницу, город, страну! Он начнет орать в полное горло и крушить все, что попадется под руку. Он камня на камне не оставит в этом гадком мире, который вдруг взял и посмел нарушить равновесие. Он все разрушит, потому что его жизнь оказалась разрушенной. И плевать ему теперь на всю на свете гармонию. Плевать!..

– Стас, милый, что ты делаешь?! – ужаснулась мать, оттаскивая его от стены.

Оказывается, он стучал головой о стену и глухо стонал. И достучался, лоб до крови поранил. Надо же, не заметил ничего – ни боли, ни жжения. Только вот суставы по-прежнему выворачивало, и внутри отвратительный холод.

– Все будет хорошо, сынок. Все будет хорошо, надо только верить!

Он и верить не мог, сил не было. Ни верить, ни бояться не мог, просто ждал и все.

– Надежды мало, – скроила скорбную гримасу медсестра в приемном покое. – Молитесь!

Он не знал ни одной молитвы. Никогда не знал и никогда не думал об этом. Теперь вот сокрушался.

Нехристь! Урод! Атеист проклятый! Разве можно так пусто жить? Без веры в высшие силы, в добродетель, в пророчества? Разве можно уповать лишь на самого себя и всегда считать, что человек хозяин своей судьбы?! А он именно так и жил! Всегда именно так.

Да неправда это! Ложь! Пустое, никчемное, раздутое самомнение жалких чванливых людишек, возомнивших себя властелинами мира. Какой придурок сказал: весь мир у наших ног? Дать бы ему теперь в морду! Вот он, мир его, – сузился теперь до размеров простой дверной коробки, застекленной закрашенными неаккуратной рукой стеклами. Там, за этими стеклами, вершится теперь его жизнь, и властвовать над ней ему не под силу.

– Стас, выпей кофе.

Мать стояла перед ним с пластиковой коричневой кружечкой и смотрела на него с мольбой сквозь плотную пелену тщательно сдерживаемых слез.

– Давай, ма, выпью, – сжалился Стас, забирая у нее кружечку, пригубил, тут же обжегся и почти не почувствовал боли, так только язык одеревенел. – Откуда кофе, ма?

– Девочка из приемного покоя налила. У нее с собой термос. Всегда на дежурство берет. Налила... Попросила попить тебя. А то, говорит, мало ли что, свалится еще, – заговорила мать монотонно, присев на скамейку.

– Мало ли что? Это что значит?! – тут же напрягся Супрунюк, выпрямляясь. – Что она имела в виду, мам?! Она про Свету?!

– Да спаси господи! – отмахнулась мать. – На тебя смотреть страшно, милый! О тебе разговор...

Тогда ладно. Тогда он допьет, хотя вкуса совсем не чувствует. А что медсестра пожалела его, это ничего. Это неплохо. Он сейчас нуждается в сочувствии, в понимании и даже в жалости, хотя раньше все это его коробило и считалось недостойным. Сейчас можно. Где-то же ему надо черпать силы. Где-то, в ком-то, в чем-то. Человеческое сострадание сейчас как нельзя кстати...

Он просмотрел, как открылась дверь операционной. И даже лязга дверных петель не услышал. Дернулся, когда мать испуганно вскрикнула:

– Стас!

Глянул сначала на нее, сжавшуюся на скамейке и сделавшуюся какой-то маленькой и очень старенькой. Потом перевел взгляд на дверь и тут же помчался вперед. Прямо на хирурга с уставшими печальными глазами, который вышел и остановился тут же, недалеко от дверей в операционную.

– Что? – еле выдавил Стас, и руки его сами собой потянулись к зеленой врачебной куртке. – Что с ней? Она...

– Она жива, – еле кивнул доктор и покосился на руки Стаса, повисшие в воздухе сантиметрах в пяти от его накрахмаленной робы. – Операция прошла успешно, но положение очень серьезное. Одна надежда на молодой здоровый организм. Вы ее муж?

– Да, да, да! – начал он кивать часто-часто, будто доктор мог усомниться. – Что?! Что нам надо делать? Может, лекарства какие-нибудь или что?! Что-то надо делать, доктор!

– Мы все сделали, уважаемый, – с пониманием усмехнулся врач. – Все, что было в наших силах. В лекарственных препаратах необходимости пока нет.

– Ну а нам-то?.. Нам что делать?

– Ждать, – кивнул хирург и повернул обратно, у самых дверей снова обернулся и посоветовал со вздохом: – Ждите и молитесь.

– Когда ее можно будет увидеть? Когда?!

Вот когда в голове отпустило и начало наполняться чем-то тяжелым, ухать, переворачиваться, набухать так, что в глазах помутнело.

– Пока ничего не могу сказать определенно. Приходите завтра, – посоветовал доктор.

– А сегодня можно здесь остаться? – встрепенулась мать, тихонько плача на скамеечке.

– Не вижу смысла спать в коридоре. Все, до утра, до свидания...

– Ей ведь что-то нужно, да? Что нужно купить, доктор? – Это уже Стас вспомнил, снова рванув за врачом. – Вещи какие-то, тапочки там, зубная щетка, я не знаю! Что-то же ей нужно!

– Пока ничего, – вздохнул тот и глянул на него с сочувственным пониманием. – Ей сейчас необходимо просто выжить. Отдыхайте, до завтра...

– Ничего не нужно! – фыркнул Стас, вырываясь с больничной стоянки. – Как это не нужно?! Ма, вот ты скажи, а!

Мать молчала, плакала и лишь время от времени поглаживала рукав его куртки.

– Ты к нам или домой, ма? – спохватился Стас на светофоре.

– Домой, сынок, домой. К утру нужно немного привести себя в порядок. Заезжай за мной к девяти, хорошо?

– Да, да, конечно.

Он ехал по знакомым улицам привычным маршрутом, ничего не узнавая.

Все вчера было обычным, чего сейчас-то поменялось? Почему вид привычных многоэтажек, серой бетонной лентой окаймляющих проспект, вдруг стал распадаться на отдельные фрагменты? Почему каждое светящееся изнутри окно стало казаться обособленным островом с навеки поселившимся там счастьем?

Моментально как-то додумывалась за них – несведущих – и за мгновение проживалась в мире и согласии их долгая беспечная жизнь. И праздники семейные виделись, с охапками цветов, коробками шоколадных тортов и топаньем детских ног. И щенки ушастые с шершавыми языками, запрыгивающие на коленки, и мягкий теплый полумрак уютных спален.

Все это, царящее, мирное, Стасом вдруг угадалось за плотными шелковыми портьерами и оценилось во сто крат дороже, чем сами обладатели смогли бы оценить.

У него теперь будет все иначе, решил он, открывая дверь в свою квартиру. Вот Светлана поправится, и все будет иначе. Он не позволит никому красть их драгоценные минуты счастья, не позволит никому дробить его на неровные куски, которые стоит предварительно шлифовать, чтобы сложить единую мозаику. Он станет стеречь его день за днем, час за часом. Станет пестовать, холить и лелеять каждый день, прожитый вместе, станет благословлять каждое утро на двоих.

И еще ему вдруг подумалось о ребенке. Никогда они не говорили об этом, ничего такого не планировали, а тут вдруг Стасу до боли в сердце захотелось маленького вихрастого пацана. Пускай бестолкового и надоедливого, но своего! Пускай пристаёт к нему с книжками и роликами, пускай хнычет и не желает вовремя укладываться спать, пускай орет и просит мороженого, когда гланды величиной с кулак. Пускай все будет трудно, но пускай будет!

Только бы Светка поправилась и скорее вернулась домой. Только бы все у нее было хорошо, а он уж постарается не подпускать никого к ней на пушечный выстрел. И еще...

Супрунюк встал у кухонного окна и глянул невидящими глазами на спящий город, раскинувшийся в низине. Он непременно найдет ту сволочь, которая попыталась у него сегодня отобрать Свету. Он не то что из-под земли, он его с того света достанет и удавит своими руками, если понадобится. И если милиция станет долго и нудно ворошить горы своей процессуальной макулатуры, он сделает за нее все сам.

Сам найдет, сам вынесет приговор и сам приведет его в исполнение!

Он не простит...

Глава 5

– Станислав Викторович, к вам Тихонов Геннадий Сергеевич! – трагическим полусшепотом известила Галка, сунув в кабинет полную симпатичную мордаху.

Она всегда так к нему заглядывала, если не хотела сообщать о визитере по селекторной связи. Тело оставалось меж двойных дверей, а в кабинет протискивалась одна голова.

– Чего ему надо? – сразу набычился Супрунюк, прекрасно понимая цель визита Георга Третьего.

– Поговорить. – Голова у Галины качнулась, видимо она пожала невидимым Стасу плечом.

– О чем?

– Разве скажет! – Губы у Галины съезжились скорбной ниточкой. – Приняли бы вы его, что ли, Станислав Викторович. Неудобно как-то, по рангу он вас не ниже, а...

– Галь... – прервал ее Стас с неудовольствием. – Ты бы не забывалась, а! Думаешь, не знаю, чего он приперся?

– И я... догадываюсь, – с заминкой кивнула Галина.

– И что?

– И присоединяюсь.

– К кому?

– К нему!

– Ага, вот, стало быть, как! Ты просишь за просящего?! Отлично!

Со злой ухмылкой Стас послал авторучку в угол, ближе всего располагающийся к двери, но Галка не испугалась и даже не вздрогнула, продолжая смотреть на него умоляющими глазами.

– А почему, Галь? Почему ты просишь за него?

– Я не за него, Станислав Викторович. Я за нее.

– А за нее что?!

– А то... – Галина вздохнула, и глаза все же опустила, невольно был тяжелый, не прощающий взгляд начальника. – Не могла она этого сделать, понимаете! Не могла!

– А кто?! Кто тогда, ответь?! – заорал он, не выдержав.

Он последнюю неделю все время орал. На кого придется. Галке доставалось больше всех, но она терпеливо сносила. И жалела его, и не обижалась, и даже бутербродами пыталась прикармливать. Он отказался. Ну не мог он даже с великого голода есть хлеб с паштетом из шпината и цветной капусты. Не жаждал его организм избавления от лишних калорий.

Отмщения он жаждал, вот чего! Жестокого, хладнокровного и беспощадного отмщения! И плевать ему было, что мстить придется женщине, с которой делил три года постель. Плевать было на ее слезы и клятвы. Он ей не верил! Он никому теперь больше не верил! Ни ей, ни ее адвокатам, ни...

Ни врачам.

Как он сказал ему в ту ночь, когда прооперировал Свету? Что все будет хорошо? Нет, не так, но как-то так сказал, что Стас поверил, что если она выкарабкается, если откроет глаза, то все будет хорошо. А на деле все вышло не так. На деле все вышло ужасно!

– Реабилитация организма потребует очень длительного времени, – вежливо проинформировал его на следующее утро тот самый доктор, и начал перечислять.

И по мере того как он перечислял, надежды Стаса на уютный счастливый мирок рушились. Они разбивались вдрезг, как дешевое второсортное стекло, с отвратительным дешевым треском. Они превращались в пыль, в пепел, который только дунь – не собрать.

Светка долго не сможет ходить, задет какой-то нерв. А это значило...

А это значило – искать сиделку. А это значило – чужой человек постоянно в доме. Запах лекарств, стоны, пролежни, гной. Это значило потом многомесячный курс лечебной физкультуры, а это больно! И снова стоны, запах лекарств и изнывающее от немочи, тающее на глазах любимое тело рядом с тобой.

Светка никогда не сможет стать матерью, потому что детородные органы тоже задеты. А это значило...

А это значило, что не будет в его доме никакого вихрастого пацана с его сладким нытьем – почитай книжку и купи мороженого, когда гланды в кулак. Это значило, что он, Стас, никогда не подхватит на руки с дивана сопящее крохотное родное существо и не перетащит его в детскую кроватку. И никогда не влепит подзатыльник, когда тот начнет грубить матери срывающимся ломким баском.

Ничего в его жизни не будет теперь, кроме боли, страха, разочарования и преодоления всего этого дерьма! Все поломано, все исковеркано и восстановлению не подлежит.

И он имел право на гнев и имел право требовать отмщения! А они, понимаешь, просить тут за нее пришли.

– Она не могла, Станислав Викторович, – упрямо повторила Галка, и пухлый подбородок задрожал.

– Она ее ненавидела! – парировал он и сделал знак уйти.

– У нее был повод для ненависти, – Галка не уходила, протиснув теперь из-за двери еще и плечо.

– У нее тогда мог быть повод и для убийства.

– Она не убивала! – ахнула Галка.

– Она – нет, но человек, которому она заплатила, сделал такую попытку! Все, Галь, уходи ты, Христа ради! И Тихонову скажи, чтобы ушел. Я не желаю с ним говорить об Ольге. Все!..

Галина ушла, плотно прикрыв дверь, а Стас тут же уронил голову на руки.

Он не мог больше выносить всего этого. Не мог!

На него давили со всех сторон.

Тихонов звонил без конца, взвалив на себя роль Ольгиного адвоката.

Мать тихонько плакала и просила о снисхождении. Мол, прощать мы все обязаны. И еще что-то испуганно бормотала о возмездии.

Галка тоже вставляла время от времени всевозможные намеки на то, что они все Ольге очень обязаны и бросить ее теперь в таком состоянии...

А какое?.. Какое у нее состояние?! Он вообще не мог себе представить, как может себя чувствовать человек, совершивший покушение на убийство! Пускай даже и не своими руками, но совершивший! Как он может себя чувствовать, как?!

У Светки состояние, это да! Самое плачевное, самое безнадежное и самое страшное! Она не могла пить, есть, говорить. Она могла лишь глаза приоткрывать на пару минут за час, не более. Температура у нее высокая еще держалась. И анализы крови были отвратительными.

Вот чье состояние ему не давало покоя и сна. Вот чьим состоянием он болел день за днем, час за часом.

А они тут, понимаешь, за Олю похлопотать пришли. Скажите, нашлась пострадавшая!

Коварная, подлая дрянь! Надо же было до такого додуматься – нанять убийцу, чтобы избавиться от соперницы! Да он...

Да он не то чтобы вернуться к ней, даже в мыслях никогда себя снова рядом с Ольгой не видел. Никогда! А теперь... Теперь он вообще ее видеть не хочет. На свободе, во всяком случае. А вот на скамье подсудимых рядом с тем уродом – это да. Это Стас посмотрел бы с удовольствием.

О встрече она просит, поговорить желает! Совсем идиотка, что ли?! Он ведь может не сдержаться, вцепиться в ее милую красивую шейку и сдавить посильнее, чтобы избавить сразу себя от зудящего желания отомстить.

И кстати...

Вчера поздно вечером, когда он бродил по опустевшей квартире и собирал какие-то вещи для Светланы, он вдруг понял, что ненависть – как раз то самое чувство, которое способно заставить совершить самое страшное из зол. Он вдруг понял, что ненавидит Ольгу с такой силой, что в самом деле убил бы ее.

И посему, сделал он вывод минут через десять, зная о силе Ольгиной ненависти, даже крохотной доли сомнения в ее виновности допускать нельзя.

А она у них есть! Она есть у них, у этих бездушных сволочей, которые завели уголовное дело по факту нападения на его жену. Они изо всех сил сомневаются, дергают плечами, требуют с него каких-то фактов, улик, намеков на мотивы. Будто ненависть к сопернице не могла быть мотивом!

– Знаете, тогда у нас трупами все вокруг было бы завалено, – многозначительно хмыкнул здоровенный малый, вечно забывающий бриться.

– Что вы хотите этим сказать?! – возмутился тогда Стас.

– То, что неприязненное чувство на почве ревности давно должно было иссякнуть у вашей бывшей жены.

– Она не была мне женой! – продолжил возмущаться Супрунюк, потев от злости и бесилия и без конца елозя носовым платком по лбу и щекам.

– Она была вашей гражданской женой, – поправил небритый следователь или оперативник, черт их разберет. – Без малого три года. И по моим сведениям, отношения у вас были великолепными. И...

– До тех пор, пока я ее не бросил! – ухватился сразу Стас как за соломинку. – Потому что все изменилось!

– А по моим сведениям, отношения у вас и оставались совершенно нормальными, в отличие от некоторых подобных случаев. Там и морды, простите, соперницы друг другу бьют, и стекла бить не гнушаются. А вы, по слухам, даже в гости друг к другу ходили.

– Я не ходил, – огрызнулся Стас. – Это Ольга вечно к нам таскалась. А я, между прочим, был против!

– А ваша теперешняя жена?

– Она терпела. Улыбалась ей...

Стаса последние дни при воспоминании о ее улыбке начинало пробивать желание расплакаться. Вот стоило вспомнить Светку улыбчивой, счастливой, как тут же слезы наворачивались.

Ведь она уже никогда не станет прежней! Никогда не будет счастливой и улыбаться не будет. У нее ведь нерв какой-то задет, зачитал ему выписку из истории болезни тот самый доктор. И как ее организм поведет себя потом после длительного курса реабилитации, одному только богу и известно.

– Вот видите! – поднимал палец щетинистый малый, опоясанный кобурой. – Улыбалась! А это о чем говорит?

– О чем?

– О том, что между женщинами сохранялись вполне приемлемые отношения.

– Так, видимость одна, – махнул рукой Стас.

– Пусть так, но они находили в себе силы соблюдать приличия. И длилось это... По моим сведениям, больше года.

– Вы куда клоните, не пойму?! – снова начинал свирепеть Стас. – Вы считаете, что Ольга не виновата?!

– Я пока никого не могу и обвинять, – сводил брови мужик, намекая на презумпцию невиновности. – Я могу лишь строить версии.

– И Ольга у вас на роль подозреваемой никак не подходит?!

– Послушайте, Станислав Викторович... – начал с угрозой мужик, потом втянул в себя воздух, выдохнул его с шумом, надув щеки шариком, потом считать до двадцати, видимо, начал, больно уж долго молчал. – Мы не можем подсовывать людей на роль подозреваемых просто потому, что это кого-то из пострадавших могло бы устроить.

– Это вы к чему?

– Это я к тому, – повысил он голос, – что вы сами вполне могли бы заказать свою жену, а потом разыгрывать передо мной горе.

– Да вы!.. Да вы... – тут он начал задыхаться гневом, как тот киношный герой. Слава богу, вовремя взял себя в руки. – Мне-то зачем?

– Может, надоела она вам?

– Развелся бы.

– А может, бизнес у вас на двоих?

– Да нет, встретились мы с ней, когда уже все работало на полную катушку.

– Квартирный вопрос мог быть задет, а? – продолжил с надеждой перечислять заросший щетиной малый, скорее просто для того, чтобы отвлечь Стаса от Ольги.

– Да нет, – спокойно возразил тот, сразу поняв его уловку. – И квартира моя изначально.

– Она могла вам изменять, а вы ее выследить и...

– Мы не расставались практически никогда! У нее не было времени на измену. Мы все время были вместе, – вспомнил Стас и замотал головой, зажмурившись. – Как вот я теперь без нее, а?! Как?!

– Она же не умерла, – опешил парень. – Она жива.

– Жива! Это для вас она жива! Это всего лишь строка в вашем протоколе! Это «жива» значит для вас отсутствие трупа, и это для вас здорово. А для меня... Она покалечена! Она долго не сможет ходить. Она никогда... не сможет иметь ребенка, понимаете? А вы говорите – жива!.. И вы должны меня понять, вы просто обязаны понять, насколько важно для меня найти этого урода!

– Понимаю, – осторожно кивнул малый.

– И вы так же должны доказать, что это Ольга наняла убийцу.

– А если мне удастся доказать как раз обратное? – хитро прищурился знающий все о презумпции невиновности. – Вы все равно не успокоитесь и во всех своих бедах будете продолжать обвинять Лаврентьеву?

– Да докажите мне хоть что-нибудь! – закричал тогда Стас в отчаянии. – Не сидите же, делайте что-нибудь!..

Его отчаянное подталкивание к действию совершенно не понравилось сотруднику милиции, кажется он представлялся Ростовым Дмитрием Николаевичем. И они, кажется, и вовсе забыли об этом деле. Забыли про него, про бедную Светку, про Ольгу, которая исковеркала им жизнь, тоже забыли. Галка что-то намекнула после обеда, что Тихонову удалось выхлопотать ее освобождение под подписку о невыезде или под залог, он плохо вслушивался.

Да и какая, в сущности, разница, с какой мотивацией ее отпустят? Главное, она выйдет из тюрьмы, а Света этим временем так и останется в больничной палате!

Главное, что Ольга снова станет спать в своей постели, пить, есть, ходить по магазинам, улыбаться встречным людям – она любила находить в незнакомых людях приятное и улыбаться им. А Света в сознание начала приходить лишь позавчера.

Мог он допустить подобный беспредел?! Мог позволить человеку, скомкавшему все его мечты, оставаться безнаказанным и жизнерадостным?

Нет! Никогда...

Он подождет еще немного, терпеливо, без суеты. А потом, если сотрудникам правоохранительных органов будет недосуг разбираться с делом, где даже труп отсутствует, а есть лишь пострадавшая, он сам с ним разберется. Он найдет способ, а времени и средств у него предостаточно...

Глава 6

Ольга привычно пустила в ванну воду, плеснув из пузырька изрядно пены. Пошла к двери, но потом испуганно попятилась.

Нет, она не станет больше нежить свое тело в пенной воде. Не станет плескаться в ней с полчаса, а то и больше, как раньше. Она просто примет наскоро душ, влезет в спортивный костюм, забыв о толстом халате, и уснет. Просто уснет безо всяких расслабляющих водных процедур, до которых раньше была охоча и которыми как раз закончилось ее относительно беззаботное житие.

Она ведь тем вечером, накануне ареста, как раз валялась в ванне. Хныкала, ругала судьбу, Светку заодно со Стасом. Потом бродила по квартире как малахольная, трепалась по телефону, а потом...

А потом с ней начали происходить очень странные, очень страшные вещи! Ее забрали из дома посреди ночи, обвинив в преступлении, которое она не только не совершала, но которое даже в принципе не смогла бы придумать!

Чтобы она заказала Светку какому-то урке?! Чтобы она заплатила деньги страшному лохматому мужику, набросившемуся на Светку с ножом неподалеку от Ольгиного дома?! Чтобы она разыгрывала неведение, недоумение, неверие в то время, когда ее подруга балансирует на грани между жизнью и смертью?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.